Когда жизнь подкидывает тебе лимоны

Автор:
Фиона Гибсон

Когда жизнь подкидывает тебе лимоны

Фиона Гибсон

Cupcake. Женские истории

Когда жизнь подкидывает тебе лимоны

…просто добавь джин и тоник!

«Когда жизнь подкидывает тебе лимоны» – история, которая откликнется любой женщине. Книга от автора бестселлеров Sunday Times.

Сдаваться – не в правилах Вив. Ей слегка за пятьдесят, а ее жизнь – настоящая мечта: двое замечательных детей, муж с блестящей карьерой, работа и уютный дом. Но в один день все рушится за считаные минуты – муж изменил ей. Брак уже не спасти. Развод, переполох на работе, бушует климакс. Каждый день жизнь заставляет ее проходить все новые и новые испытания.

Но Вив знает: если жизнь подкидывает лимоны – сделай из них лимонад. И, главное, не забудь джин и тоник. А после 50-ти – жизнь только начинается, несмотря на все трудности.

«Голос современной женщины». – Marie Claire

«Потрясающе занимательный, жизнеутверждающий роман с очаровательной главной героиней». – Sunday Mirror

«Уютно, забавно, с перчинкой». – Daily Mail

«Это не просто смешно. Это правдоподобно». – Elle

Кисло-сладкая история о женщине, которая смогла преодолеть кризис с юмором. От автора бестселлеров Sunday Times.

Фиона Гибсон

Когда жизнь подкидывает тебе лимоны

Fiona Gibson

When life gives you lemons

Copyright © Fiona Gibson 2020

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Элли Стотт

Часть первая

До

Глава первая

Воскресенье, 10 февраля

И снова он, ночной пот.

– Черт возьми, Вив, – объявляет Энди, – это как просыпаться в болоте.

Муж вылезает из кровати, а я понуро наблюдаю за ним.

– Я что, виновата? Оно само получается, когда я сплю.

– Ладно, это я так, – морщится он.

– Нет, не так. Ты выговариваешь мне за то, что я – женщина средних лет, переживающая муки гормональной перестройки…

– Я всего лишь хотел сказать, что это неприятно.

Он надевает халат и резким движением затягивает пояс. Ему неприятно? Ну, извините, только пот – далеко не единственное блюдо в моем нынешнем меню, которое также включает: перепады настроения, учащенное сердцебиение, беспричинные вспышки и постоянное беспокойство, зашкаливающее в сравнении с привычными и так далеко не низкими показателями. Добавьте к этому маниакальную жажду неудобоваримого пудинга (оттого, наверное, живот растет как на дрожжах), стремление умиляться при виде щенят, котят, телят и прочего четвероногого молодняка, а также прыщавость, какой не было даже в подростковом возрасте. Да, еще ночные страхи, идущие бонусом к бессоннице: а вдруг авиабилеты начальнице забронированы не на ту дату, и почему по карте такой перерасход, и из-за чего волосы стали ломкими, как солома. В 4.37 утра найдется масса поводов для переживаний – от положения дел в правительстве до размеров собственной задницы, а если эти поводы себя исчерпали, всегда можно понервничать из-за собственной обеспокоенности (а это нормально – так волноваться?). И у моего супруга еще хватает наглости сетовать на мокрую постель? У мужчин андропауза – это ерунда на постном масле.

– Если тебе настолько противно, – предлагаю я, – могу спать в гостевой.

– Зачем? Не нужно, – говорит муж со страдальческим вздохом.

– Или могу снять номер в специализированной гостинице для дам в климаксе, где вентиляторы на каждом шагу и сочувствующий мужской персонал.

На это он предпочитает не реагировать.

– Не знаю, что еще предложить, – говорю я. – Разве что вмонтировать в меня термостат…

– Хватит, я тебя понял…

– Но от кнопочки я бы не отказалась.

Я смотрю на физиономию мужа: обаяшка доктор Флинт, с ярко-голубыми глазами и длинными-длинными ресницами, такими пушистыми и загибающимися, словно он пользуется моей тушью. Подозреваю, что большинство коллег женского пола и пациенток к нему неровно дышат. В это тусклое серое утро я надеюсь на толику юмора или хотя бы сочувствие к моему резко пикирующему уровню эстрогенов, но он смотрит на меня холодно, точно я обливаюсь мерзким потом ему назло. Для медработника с его-то стажем врачебного такта – ноль.

Давя в себе раздражение, я иду в душ после Энди, а потом заглядываю в комнату дочери, которая еще в кровати. У нее чудесные светло-каштановые волосы, большие голубые глаза, как у папы, и широкая щербатая улыбка из-за двух выпавших молочных зубов.

– Доброе утро, Из, – говорю я. – Пора вставать, зайка. Помнишь, что мы сегодня идем плавать?

– Ой, я забыла!

– Давай-ка пойдем, пока народу мало.

Иззи вылезает из постели и достает из шкафа одежду – она терпеть не может, когда ей указывают, что надеть. Узнав, что у нас с Энди семилетняя дочь, люди нередко бывают ошарашены. Нам обоим по пятьдесят два, и я, само собой, самая старая мамаша во всей школе. Когда была зачата Иззи, мы уже потеряли надежду на второго ребенка – после сына была пара выкидышей, а потом – ничего. Мы оба прошли обследование, все казалось в полном порядке, но годы шли, а беременность не наступала.

Мы с Энди уже смирились с тем, что у нас будет только один ребенок. Спенсер – замечательный парень, и мы никоим образом не чувствовали себя обделенными. Честно говоря, мы никогда не предохранялись и почти забыли о том, что можем зачать снова, и уж, конечно, никак не ожидали, что это произойдет, когда мне будет сорок два.

Когда месячные не пришли, я подумала, что началась менопауза. А вместо этого появилась Иззи, наше солнышко, за что я неустанно благодарю судьбу. Спенсер, которому сейчас двадцать два, немного скис при известии о том, что у него будет брат или сестра (но, разумеется, ненадолго и обожает Иззи с самого ее рождения). Вообще, мне кажется, большинство подростков болезненно воспринимают доказательства того, что их родители все еще занимаются «этим».

Впрочем, теперь у нас «это» бывает нечасто, и все бы ничего, если бы не еще одна странная особенность климакса. Более удивительная, чем потоотделение, о котором я была наслышана. Но чего я от себя никак не ожидала, так это взрыва либидо, когда постоянно хочется и ведешь себя точно похотливая кошка.

Слушай, Вив, я сегодня совсем без сил.

Дорогая, мне завтра утром на пробежку.

Что-то спина опять пошаливает. Точно ишиас.

…или люмбаго? Да, пожалуй, оно.

Ой! Мне больно, когда ты так делаешь…

Вот такой чресло-тонизирующий эффект я оказываю на своего благоверного. Ничего, ему еще приспичит, будет пыхтеть мне в ухо, а я такая, мол, не в форме и поясницу прихватило. Извини, друг, твой поезд ушел! Я готовлю яичницу для нас троих, а сама так радуюсь при мысли, как обломаю его с сексом, что к тому моменту, когда мы садимся завтракать, почти прощаю его за давешнее брюзжание.

Мне даже приходит мысль извиниться за то, что я – женщина и старею.

– Извини, я такая раздражительная, – говорю я, попивая кофе. – Просыпаюсь вся липкая, как рептилия, – просто жуть.

Мужчина, который вроде бы должен меня любить и, вероятно, сопереживать гормональному катаклизму, в котором я оказалась, смотрит на меня отстраненным взглядом.

– К твоему сведению, Вив, у рептилий сухая кожа, – говорит он.

Глава вторая

Понедельник, 11 февраля

Сегодня начало полугодия, и мы с Иззи спешим в школу. Я пытаюсь позитивно настроиться на новую неделю и забыть о том, каким придирчивым и отчужденным в последнее время стал Энди. Возможно, у него завал на работе, и мне следует с большим пониманием относиться к его проблемам? Я знаю, на нем большая ответственность, все трудятся на пределе возможностей, и вообще работа в крупной больнице в условиях все более жестких бюджетных ограничений – это вам не пикник на пляже. Черт возьми, я с уважением отношусь к тому, что он делает.

Но выпад про рептилий не идет у меня из головы, особенно фраза «На мой взгляд, ты скорее… земноводное», и при этом он, по своей мерзкой привычке, вскинул левую бровь, отчего мне сразу захотелось ему врезать (я всегда была такая нетерпимая, когда ярость так и рвется наружу, или это что-то

новенькое?). Кроме того, я заметила, что с недавних пор Энди то и дело повторяет «к твоему сведению», причем не только в рептильном контексте. Например, у нас в спальне стоит внушающий опасения тепловентилятор (Энди – мерзляка), который он ни в какую не хочет выбрасывать, несмотря на то, что тот периодически воняет горелым.

Муж утверждает, что с тепловентилятором все в порядке. Ну, ему с его мужским рентгеновским зрением, способным пробиться сквозь белую пластиковую обшивку к рабочим кишочкам и уверенно поставить диагноз, наверное, виднее.

– К твоему сведению, это пыль обгорает, – заявил он, когда я в очередной раз «завела свою песню» (сказала, что запах такой, словно скоро дом загорится).

– А там что, пыль есть? – поинтересовалась я. – И ей положено «обгорать»?

– Все в порядке!

Живо представляю себе надпись на наших надгробиях: «Он сказал, что тепловентилятор безопасен для жизни». Еще одна позиция в копилку моих климактерических переживаний.

– Мама, там Мейв! – восклицает Иззи, замечая на противоположной стороне свою лучшую подружку и возвращая меня в настоящее. Мейв и ее мама Джулз машут нам, и мы переходим улицу, чтобы присоединиться к ним.

– Мы так и думали, что встретим вас по дороге, – говорит Джулз, когда девчонки, щебеча, уносятся вперед. – Чем занималась?

– Да так, копошилась помаленьку, – отвечаю я. – А ты?

– А мы в последнюю минуту решили отправиться в автопутешествие. Знаю, в это время года это звучит полным безумием, но Эрл сказал, что нам непременно нужно вырваться на несколько дней.

Ах, душка Эрл, муж Джулз, который не делает тайны из того, что обожает свою жену, и всегда осыпает ее комплиментами. Ей, судя по всему, это кажется абсолютно нормальным в браке. Может, так и есть?

– Держу пари, это было потрясающе, – говорю я, а Джулз усмехается. Они в шутку окрестили свой дом на колесах «самым отвратительным трейлером в мире», но, по-моему, он выглядит очень славно – с выцветшей зеленой обшивкой, подвесными кашпо и видами озера Уиндермир.

– Потрясающе – это сильно сказано, особенно теперь, когда прямо над нашей кроватью подтекает. Но было весело, да, Мейв?

– Ага, – оборачивается с улыбкой ее дочь. – Мы развели костер у озера и жарили на нем колбаски.

– Вау, в феврале?! – восклицаю я.

Джулз улыбается. Жилистая, с мальчишеской стрижкой, в сорок два года она выглядит моложе своих лет. На мой взгляд, в ней есть что-то «эльфийское». Будь у меня такая стрижка, я бы смахивала на кряжистого сердитого мужичка.

– Ну, ты знаешь Эрла, – продолжает она, – плохая погода ему нипочем. В общем, здорово, что мы съездили, особенно потому, что у меня наступает горячая пора.

– Много клиентов? – спрашиваю я.

– Да, и новые семинары на подходе.

Я киваю, и в голове у меня начинает зреть мысль. До нашего знакомства Джулз занимала солидную должность в банковской сфере. Перегорев и разочаровавшись в корпоративной жизни, она на все забила и стала многостаночницей: она и инструктор по йоге, и поставщик продуктов питания, и… тренер личностного роста. Энди считает тренинги личностного роста баловством для богатых бездельников, но кто его спрашивает? А вдруг после нескольких занятий какие-нибудь качества Джулз передадутся мне? Может, я стану менее… земноводной?

– А ты сейчас берешь новых клиентов? – спрашиваю я, когда мы подходим к школе.

– Интересуешься для своих знакомых?

– Э-э… не совсем.

– Для себя?

– Ну да, – говорю я.

– Отлично! Не проблема, мы что-нибудь придумаем. Как насчет кофе, или ты прямо сейчас на работу?

– К сожалению, на работу, – говорю я, – но давай пересечемся в ближайшее время. – У школьных ворот я поворачиваюсь к Иззи: – Не забудь, ты сегодня на продленке.

– Ага, – она улыбается. Мейв тоже остается; в перспективе у них – тосты с медом и возможность порисовать на стенке в школьном дворе. – А ты положила мне спортивную форму? – спрашивает она.

– Да, зайка.

– А сэндвичи с чем?

– С сыром и огурцом.

– А еще что?

– Мандарин, батончик мюсли, пакетик хрустяшек…

– А Пушистика положила?

Это прозвище забавного игрушечного сэндвича, который моя приятельница Пенни связала Иззи на последний день рождения. Дочь пришла в такой восторг, что каждый день берет его с собой в школу, и время от времени мне приходится буквально силой отнимать его, чтобы постирать.

– Ну конечно, – я наклоняюсь поцеловать ее, и в это время слышится звонок. – Хорошего дня, солнышко…

– Мама, я опаздываю! – Иззи вырывается, и ее растрепавшиеся волосы развеваются за спиной, когда они с Мейв несутся к дверям школы.

А я отправляюсь на работу, в неприглядную промышленную зону на западе Глазго, где в моем кабинете уже надрывается телефон. Это звонит моя паникующая начальница.

– Вив, какого черта ты забронировала эту дыру?

Роуз звонит из Китая. Поэтому она кричит. Несмотря на бесспорный интеллект, она, похоже, считает, что чем дальше от головного офиса, тем громче надо орать. С таким же успехом могла бы отправить эсэмэс. Но Роуз предпочитает вербальное общение и, накрепко усвоив истину про семичасовую разницу во времени, очевидно, приготовилась установить контакт в ту самую минуту, когда я усядусь за рабочий стол.

– На сайте он выглядел симпатичным, – оправдываюсь я. – Я перебрала кучу вариантов и подумала, что этот – лучший…

– Ты утверждала, что он не хуже Larson!

– Да, но в Larson не было мест. Я же вам говорила.

И показывала фотографии этого отеля – холла со стеклянными стенами и огромного бассейна на крыше, – а ты на них почти не взглянула. У нас клиенты по всему миру, и Китай – наш особенно большой рынок, поэтому Роуз уже несколько раз ездила по делам в Тяньцзинь.

– Тут у них ремонт в самом разгаре, – выговаривает она, точно я обязана быть в курсе, – и меня поселили в жуткую пристройку.

– Мне очень жаль. Но там удобно?

– Не сказала бы. Есть проблема.

Я откашливаюсь.

– И в чем она?

– Тут… – В ее голосе слышится напряжение. – …на сиденье унитаза лобковый волос.

Какое-то мгновение я просто не знаю, как реагировать.

– Ты меня слышишь, Вив?

– Да-да, я вас слышу… – Громко и, блин, отчетливо! – Может быть, позвонить на ресепшен или еще куда-нибудь? Они кого-нибудь пришлют, чтобы уладить проблему.

А слабо самой оторвать кусок туалетной бумаги и смахнуть его в унитаз?

Это, конечно, заскок, но я готова отнестись к нему с юмором, потому что Роуз во многих отношениях – замечательная женщина. Название нашей компании – «Флаксико», – может, и напоминает ветрогонное средство, но на самом деле мы – солидный глобальный производитель продуктов питания с преимущественно мужским персоналом. Действуя целеустремленно, как терьер, неизменно одинокая и бездетная Роуз проложила себе путь наверх, сминая по пути соперников, и теперь царит в нашем расползающемся во все стороны массиве из стекла и стали. Она крохотного росточка, обожает пышные укладки и «шпильки», и, хотя в целом образ получается несколько устрашающий, я восхищаюсь ее стремлением удлинить себя с обоих концов.

Подобная работа не входила в мои жизненные планы. Много лет назад я трудилась в театре, и мне это нравилось. Чем я только не занималась – реквизитом, освещением, декорациями – и наконец дослужилась до помощника режиссера. Но ненормированный рабочий день – это хорошо в молодости, а когда ты в сорок пять снова становишься мамой – это уже не катит. Поэтому после рождения Иззи я ушла в декрет на два года, а когда решила вернуться, оказалось, что труппа, с которой я сотрудничала, лишилась финансирования, а другого места я не нашла. Как-то так случилось, что все мои проверенные контакты куда-то подевались. Я решила не падать духом и устроилась на временную работу в компанию, а пять лет назад Роуз сделала меня своим личным помощником.

Поступая на временную работу, я знать не знала, что «Флаксико» – один из крупнейших мировых производителей… ну да, экструдированных гранул. Их изготавливают преимущественно из злаков (кукурузы, пшеницы, риса), которые подверглись экструзии (т. е. продавливанию через формующее отверстие). Полученный продукт напоминает наполнитель для кресел-мешков или грунт для аквариума и считается промежуточным. Далее его продают другим компаниям, которые добавляют ароматизаторы, сушат, жарят, запекают, обрабатывают потоком воздуха – словом, превращают гранулы в любимые снеки, хлопья для завтрака или вкусняшки для домашних питомцев.

Вот такие мы без грима: никакой агрокустарщины, ничего натурального или даже напоминающего то, что вы хотели бы съесть. По сути, это огромные чаны, набитые веществом. И вот Роуз катается по миру, заключает умопомрачительные контракты с самыми отпетыми деятелями на ниве пищевой промышленности – и скисает при виде лобкового волоса на сиденье унитаза.

– А ты можешь сама заняться этим? – спрашивает она.

– Да, конечно. Сейчас я все улажу и перезвоню.

– Большое спасибо.

Когда проблема урегулирована, Роуз называет меня спасительницей, что, пожалуй, несколько преувеличено, но по крайней мере она мне признательна за старания.

Когда тем вечером мы с Энди готовимся ко сну, я рассказываю ему про инцидент с китайским лобковым волосом, считая, что это, ну, забавно ведь?

– В итоге, – тараторю я, – мне наконец-то удалось дозвониться до какой-то живой души – это за восемь тысяч километров – они там, разумеется, говорят по-английски, ведь Тяньцзинь – международный город с населением почти тринадцать миллионов человек. Представляешь? Есть такие огромные города, гораздо больше Лондона, о которых большинство живущих в Британии даже не слышали!

Я залезаю в кровать, а Энди сидит на краю и с сосредоточенным видом стягивает носок.

– Энди?

Он вздрагивает, точно только сейчас понимает, что я здесь.

– А?

– Я говорю, большинство людей даже не слышали о нем.

– О чем?

– О Тяньцзине.

– Тянь… цзине? – Муж ошарашенно смотрит на меня.

– Там сейчас Роуз. К твоему сведению, это в Китае.

– Да? Ясно…

Он ложится в кровать, а я думаю о том, что так, наверное, чувствует себя стендапер, отмачивающий шутки перед угрюмым залом. Может, дело в материале, отчаянно думает он. Надо сменить тему – найти что-нибудь новенькое и свежее.

Проблема в том, что это моя жизнь. И единственный материал, который у меня есть.

Глава третья

Четверг, 14 февраля

Никаких подарков на День святого Валентина – даже открытки, но, впрочем, я тоже ничего не приготовила для Энди. В этом году мы решили не отмечать

«Валентина». Поскольку это произошло по обоюдному согласию (по крайней мере, он предложил, а я не смогла выдумать весомого контрдовода, чтобы не выглядеть падкой на подарки), дуться мне не на кого. Я веду себя как ни в чем не бывало – собираюсь на работу и подгоняю Иззи, точно это самый обычный день.

До недавнего времени мы хотя бы обменивались открытками, а теперь, когда и этот ритуал накрылся медным тазом, у меня внутри зреет какое-то нехорошее чувство, но я пытаюсь его игнорировать, когда еду на работу.

В офисе другую личную помощницу дожидается букет красных роз от ее нового бойфренда. На то он и новый, утешаю я себя, когда весь секретариат собирается кружком и принимается охать и ахать на все лады. Им надо делать красивые жесты – это почти обязанность. И мне на память приходит Валентинов день многолетней давности, когда я еще служила в театре. Я только вышла после рождения Спенсера и работала на постановке, которая шла с огромным трудом. Посреди репетиции мне принесли от Энди огромный букет розовых лилий и гипсофил. Все актеры и постановочная группа собрались вокруг меня и поздравляли, а я краснела от удовольствия.

«Моей восхитительной суперженщине» – красовалось на открытке.

В другой раз Энди попросил исполнить для меня песню по радио – это было в ту пору, когда такое еще практиковалось. Тогда мы только начали встречаться, познакомившись на вечеринке, отвратительной во всех смыслах, и он записывал сборники песен и появлялся у меня под дверью в два часа ночи – слегка подшофе и со словами любви, а я, прослушав три секунды, делала вид, что мне безумно нравится, а потом втягивала его в квартиру и буксировала на кровать.

В те времена нам не нужен был Валентинов день, чтобы оказывать знаки внимания. Мы с Энди все время посылали друг другу по почте открытки и письма. Если он оставался у меня на ночь и уходил прежде, чем я просыпалась, нередко у чайника обнаруживалась трогательная или забавная записка от него. Я рисовала ему глупые картинки, чтобы он улыбнулся, обнаружив их в холодильнике. Сейчас я думаю, что День святого Валентина более актуален в многолетнем браке, типа нашего, когда он служит напоминанием о том, что надо предпринять усилие, вспомнить о партнере и сделать так, чтобы он почувствовал себя по-особому. Но в нашем случае момент упущен, по крайней мере в этом году. Поскольку «Валентин» не отмечается, вечером мы никуда не

идем и никакого праздничного ужина только для нас двоих в планах нет.

Дома после работы я говорю себе, что оно и к лучшему, потому что 14 февраля в рестораны не попасть, а еще там бывает специальное «валентиновое» меню – по сути, самое обычное, только с «пикантными коктейлями» и с желе из розового шампанского, точно это и есть воплощение романтики. Я почти убедила себя в том, что идти куда-то со второй половинкой в Валентинов день – это пошло и даже несколько постыдно (кому хочется идти в ресторан только потому, что к этому призывает день календаря? Потому что так, блин, принято!), и тут Энди заявляет, что у него встреча – с кем-то другим!

– Пропустим по паре стаканчиков, – говорит он, мимоходом целуя меня. – Я ненадолго. Извини, совсем из головы вылетело, какой сегодня день. Ты ведь не против, да? – Муж принимает страдальческий вид.

– Конечно, нет.

А что еще я могу сказать? Раз «Валентина» мы не отмечаем, глупо устраивать скандал. Да и чем мы занимались бы? Смотрели телевизор?

По прошествии часа или чуть больше я, по-прежнему раздраженная и вялая, отправляю эсэмэс своей приятельнице Шелли, что благоверный пошел встречаться с приятелями, а мне по фигу. Ее друг Лоренс, оказывается, на работе. Мы решаем, что она должна немедленно приехать ко мне (Иззи уже в кровати, а у Шелли детей нет).

У меня твердый настрой на сегодняшний вечер – быть в тонусе и на позитиве. Шелли – соцработник с неподъемной нагрузкой, поэтому излияния на тему о том, что Энди я противна, ей совсем не нужны. Но после большого бокала вина правда вылезает наружу: что легкое презрение становится для него нормой жизни, что в целом он равнодушен и что без секса со мной у него все просто зашибись. Что Энди всегда увиливает от него под каким-нибудь предлогом, а мне при этом бывает из ночи в ночь так дерьмово, так погано, что теперь я даже не пытаюсь.

Что порой я стою голая перед большим зеркалом, смотрю на свое немолодое тело, на обвислые сиськи и дряблый живот, и думаю: неудивительно, что его ко мне не тянет. Да и кого потянет?

– Неужели все настолько просто? – спрашиваю я у Шелли. – Что ему в принципе больше не нравится то, что он видит?

– Да нет же, – возражает она. – Ты замечательная, Вив. Не сходи с ума. Если он не понимает, как ему повезло, то он идиот, – она замолкает. – Возможно, это вообще с тобой не связано. Уверена, это все его работа. Вероятно, он просто устал, перенапрягся или самоуспокоился…

– Или я в молодые годы исчерпала всю положенную мне квоту, – перебиваю я, доверху наполняя ее бокал.

– Ты имеешь в виду секса?

– Ага.

– Сомневаюсь, что это так работает, – криво улыбается Шелли. Она сидит на диване, поджав под себя ноги в чулках, и поправляет свои шикарные каштановые волосы.

– Как знать. Бывает же пресыщение. Типа когда объешься чем-нибудь, а потом терпеть это не можешь.

– Ну да. К примеру, хумусом, – ее передергивает. – Меня тошнит от одного его запаха.

– А меня – от йогурта с клубничным вареньем. Иззи его обожала, и я всегда съедала стаканчик с ней за компанию. Но однажды – как отрезало, и с тех пор все.

– Больше не тянет на клубничку? – смеется подруга.

– Ага. Видеть ее не могу. Может, и с Энди случилось такое, и теперь я для него вроде клубнички.

– Да нет, – горячо протестует она.

– Или ему неприятна растительность у меня на лице?

– Не говори ерунды!

– Очень вероятно, – твердо заявляю я. – Сегодня утром я обнаружила очередной волосок – длинный и толстый, как проводок из допотопного радиоприемника…

– Которые потом стали беспроводными?

– Точно, – киваю я.

– У меня тоже есть такой на подбородке. Не могла поверить, что он на мне вырос.

– Встречаются и другие, которые помягче, – добавляю я. – Они почти не видны, но точно есть, вроде пушка. Неудивительно, что он не хочет заниматься со мной сексом, потому что еще немного – и я превращусь в козу.

– И заработаешь на этом кучу бабла, – ржет она.

Болтовня с Шелли здорово меня подбадривает, потому что, когда рассказываешь о том, что тебя «не хотят», это звучит смешно и глупо, и кажется, что все можно уладить с помощью «разговора по душам».

– Ты же поговоришь с ним? – спрашивает Шелли перед уходом. – И выяснишь, в чем дело?

Я обещаю, что да.

Мы в постели, и он увлеченно читает увесистый психологический триллер. Я откашливаюсь.

– Энди?

– М-м-м? – Он не отрывает взгляда от книги.

– Слушай, этот пот и все, что со мной происходит, – начинаю я издалека.

– Да?

– Ну… – я замолкаю. – Это… тебе мешает, ну… заниматься этим?

Он поворачивается и непонимающе смотрит на меня.

– Чем этим? Что ты имеешь в виду?

Что, скажите на милость, я могу иметь в виду? Однодневные вылазки на побережье?

– Этим, – бормочу я. – Ты сам знаешь, о чем я.

О господи, почва стремительно уходит из-под ног. Как глупо! Мы живем вместе двадцать пять лет. Он держал мне волосы, когда я блевала из-за испорченных устриц на свадьбе его младшего брата. Он видел, как я рожала двух наших детей. Не сказать, чтобы ему это очень понравилось, а с Иззи он даже отвлекался на телефон, но все равно это безумие, что мне так стыдно.

– Этим? – отчетливо произносит он. – Ты имеешь в виду, э-э…

– Да, – с горящими щеками говорю я.

– Нет, не мешает, – муж хмуро смотрит на меня. – Почему ты так решила?

Потому что у тебя то и дело острый приступ ишиаса, что, впрочем, не препятствует тебе таскаться по пабам…

– Я просто предположила, – коротко говорю я.

Он снова утыкается в книгу, а я делаю вид, что читаю свою, хотя на самом деле пробегаю глазами один и тот же абзац. А что, если взять «Бесподобного мистера Фокса», которого мы сейчас читаем с Иззи?

Я решаю зайти с другого бока:

– Как думаешь, может, мне попробовать заместительную гормонотерапию?

Энди недоуменно смотрит на меня, что было бы понятно, не будь он эндокринологом, т. е. врачом по гормонам, который знает их как облупленных. И не каким-нибудь завалящим, а видным, который ездит по стране с лекциями на эту тему – но до жены у него, судя по всему, руки не доходят. Это слишком хлопотно. Все, что способен выдать этот прославленный специалист, это: «Не знаю, дорогая. Решай сама».

Я впадаю в ступор, не понимая, как на такое реагировать. Может, я веду себя неадекватно? Может, обращаться за профессиональным советом к мужу – это дикость? Джулз считает иначе. Эрл – кровельщик и на раз-два решает все проблемы с водостоками. Когда у них обветшал гараж, он попросил его снести и взамен собственными руками построил новый.

У меня начинает щипать глаза, я чувствую, что еще немного – и зареву. «Не раскисай!» – уговариваю я себя. Как предположила Шелли, вероятно, он просто устал и перенапрягся. Подождем, пока он станет сговорчивее.

– Я просто хочу узнать твое мнение, – рявкаю я. – Может, вместо того чтобы терпеть эти ужасные симптомы, мне нужно что-то предпринять, а? Иногда мне кажется, что я схожу с ума…

– Ну да. Наверное, тебе стоит посоветоваться с врачом, – соглашается Энди, и тут у меня начинается такое сердцебиение, что грудная клетка того и гляди разорвется. «Я уже советуюсь с врачом», – хочется крикнуть мне. Он лежит в полосатой пижаме в полуметре от меня, и ему глубоко плевать.

Энди переворачивает страницу, а я смотрю на него негодующим взглядом. Почему он не хочет мне помочь? Разве он не видит, что я вязну в трясине беспокойства и стресса?

Он зевает и кладет книгу на ночной столик, а я говорю себе успокоиться и не устраивать трагедии по всякому поводу. Вместо этого, как я недавно прочитала, нужно сосредоточиться на положительных моментах климакса, а именно на возможности наслаждаться сексом (как же!) без страха забеременеть и

ощущать себя мудрой зрелой женщиной – грациозной и элегантной, – точно все мы, блин, Хелен Миррен с очерченными скулами и по-прежнему легко влезаем в десятый размер джинсов.

Энди выключает у себя свет, мы сухо желаем друг другу спокойной ночи, и я пытаюсь убедить себя в том, что это поведение нормального мужчины. В конце концов, он много работает в больнице, и только консультаций для домочадцев ему не хватало. Будь он шеф-поваром, я ведь не стала бы требовать от него с порога сварганить для меня карбонару?

Значит, с нашим браком, наверное, все в порядке. Или нет?

Глава четвертая

Суббота, 16 февраля

А вот и нет. Оказывается, совсем не в порядке.

А все из-за звезд. Так я это выяснила. В городе они обычно не светят так ярко, но сегодня вечером мерцают просто восхитительно. Это какое-то волшебство.

На часах около десяти – я ходила к мусорному контейнеру, а теперь стою с пустым ведром и смотрю на них. Тут я вспоминаю, что у Энди на телефоне установлено приложение, и спешу домой узнать, можно ли им воспользоваться. Он объяснял мне, как определять созвездия, если направить телефон на небо, и сегодняшняя ночь как нельзя подходит для занятий астрономией.

– Энди! – кричу я из прихожей.

– Я в ванной, – доносится сверху его голос. – Что ты хотела?

– Да так…

Я забыла, что он ушел отмокать. Иззи отправилась с ночевкой к Мейв, так что сегодня мы с ним вдвоем. Спенсер съехал из дома четыре года назад, когда ему исполнилось восемнадцать. Он бросил университет на первом курсе, утверждая, что это не его, и спорить с ним было бесполезно. Мы ударились в панику из-за его будущего, но сын очень быстро нашел себе работу в компании, занимающейся монтажом акустических систем для концертов. Сейчас он живет в съемной квартире в Ньюкасле вместе с двумя приятелями и целым выводком патогенных грибов, обосновавшихся в их ванном коврике. Всякий раз, когда я спрашиваю, в чем состоит его работа, он только со смехом говорит: «Таскаю тяжести, мамуль» – и ерошит мне волосы, точно я дитя малое.

Телефон Энди обнаруживается на столике в прихожей – я выношу его в сад и ввожу пароль. Сколько я себя помню, это всегда была дата его рождения, но сейчас она почему-то не срабатывает. Должно быть, он поменял пароль. Тогда я ввожу год полностью – опять облом. У меня возникает легкое чувство обеспокоенности (зачем он его поменял?), но я отмахиваюсь от него и пробую ввести дату рождения Энди в обратном порядке. Бинго, все проще простого! И вот я в святая святых телефонного аппарата моего благоверного.

Найдя приложение, я поднимаю телефон, восхищаясь прекрасными благозвучными названиями – Бетельгейзе, Гончие Псы, Персей. О, а вот Марс! Это потрясающе. Мне нужно это приложение. Оно гораздо интереснее, чем то, что по фитнесу, которое установлено у меня сейчас и глумливо пеняет на то, что я сделала всего триста девяносто шагов из десяти тысяч, рекомендованных на день.

Бип! Эсэмэс от «Эстелл», а это слово, как мне известно, имеет отношение к астрономии (позднее я выясняю, что на латинском оно означает «звезда»), поэтому я решаю, что сообщение связано с приложением. Я открываю его, надеясь обнаружить что-то типа «Сегодня ночью невероятный звездопад – не упустите свой шанс!».

Малыш, – говорится в нем, – я так скучаю по твоим сладким поцелуям ххх.

Я морщу лоб. Как странно. Может, приложение заглючило? Или к моему мужу это попало по ошибке? Следом приходит еще одно:

Тоскую по тебе, любимый ххх.

Что-то сжимается внутри меня, когда я вижу, что сообщений много. Я прокручиваю их и читаю переписку:

Энди: Надеюсь, скоро ххх.

Эстелл: Когда увидимся, любимый? ххх.

Энди: Да, детка ххх.

Эстелл: В последний раз это было что-то ххх.

Я читаю задом наперед и на мгновение задаюсь вопросом, а вдруг мой мозг перевернулся вверх тормашками и все интерпретирует с точностью до наоборот? Может, это очередной климактерический синдром? Порой я бываю гиперчувствительна на грани с паранойей. Я читаю: «Люблю тебя, малыш» (от Энди). Это что – шутка? Или – я понимаю, что хватаюсь за соломинку – его телефон хакнули?

«Сокровище мое, – читаю я ее сообщение, – это было потрясающе!!» Что было потрясающе? Она о сексе – о чем же еще? А значит, он занимается им не со мной, а с кем-то еще. Сердце тяжело колотится, голова начинает кружиться, мне становится дурно. Я отчаянно пытаюсь сообразить, что еще можно описать подобным образом, но в голову лезет только одно слово – «кекс». Не думаю, что речь шла о нем.

– Добрый вечер, Вив!

От неожиданности я вздрагиваю. Оборачиваюсь и вижу улыбающегося соседа Тима.

– Привет, Тим.

Уходи, пожалуйста, и дай мне тихо попсиховать в одиночку.

– Все в порядке? – Приземистый толстяк Тим, инженер-сметчик, который в свои под сорок лысый как колено, смотрит на меня обеспокоенным взглядом.

– Да, в порядке, спасибо, – я выдавливаю из себя улыбку.

Он поднимает глаза к небу.

– Потрясающие сегодня звезды, да?

– Ага.

– Э-э, слушай, Вив, не хочется говорить о плохом… – Сердцебиение учащается. Тим знает про Эстелл? Уже все знают? – … но у нас в саду крысы, – продолжает он. – Видел их несколько раз, поэтому завтра приедет инспектор из санэпидназдора с проверкой. Ничего, что он заглянет и в ваш сад?

– Крысы? – я непонимающе смотрю на него.

– Ну да, – с печальным видом говорит он, точно несет личную ответственность за их появление. – Если они есть у нас, то у вас, вероятно, тоже. Не думаю, что они соблюдают границы…

Его пухлые губы шевелятся, Тим говорит и говорит, но все, кажется, потеряло смысл. Я слышу что-то про яд, про то, что крысы предпочитают перемещаться особыми маршрутами, а сама думаю: Энди говорит, что любит ее. Он спит с ней. Мой муж живет параллельной жизнью с женщиной, о которой я ничего не знаю.

– Ох, Вив! – восклицает Тим, в ужасе глядя на меня. – Извини, не хотел тебя расстроить. Это что-то…

– Нет-нет, ты меня не расстроил, Тим. Все в порядке… – Я понимаю, что плачу.

– Это всего лишь крысы, – он обеспокоенно хмурится, подходит ближе к изгороди и внимательно смотрит на меня. – Радоваться нечему, я знаю, но они в наши дни повсюду. Инспектор положит яд в пакетики и закопает в землю…

Я беззвучно киваю, слезы по-прежнему текут у меня по щекам.

– Честное слово, переживать не о чем, – продолжает он с огорченным видом. Родители из них с женой, возможно, и никудышные («В слово „нельзя“ мы не

верим», – недавно сказала мне Крисси), но Тим – человек порядочный и доброжелательный. Не подлый изменщик, обманывающий жену направо и налево.

– Бывает и хуже, – добавляет он, когда я вытираю лицо рукавом свитера.

– Дело не в крысах, Тим…

– Да?…

– В другом.

Я поднимаю глаза к матовому окошку ванной, в котором виден свет и где «сокровище» Энди сейчас бултыхается в мыльных пузырях, не подозревая о моем состоянии.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Нет, извини, все в порядке – насчет инспектора, – выпаливаю я, направляясь к дому, а сама думаю: «Да пусть хоть весь наш сад зальет бетоном, мне по фигу».

В доме я несусь наверх и барабаню в дверь ванной.

– Еще занято! – весело кричит Энди.

– Дверь открой, пожалуйста!

– М-м? – слышится плеск воды. – Уже скоро…

– Энди! – рявкаю я.

– Может, воспользуешься туалетом внизу?

– Не могу.

Сейчас во мне бурлит гнев. Я со всей силой сжимаю его телефон – удивительно, что экран еще цел. Стучусь в дверь еще решительнее: Энди ругается, негромко, но отчетливо, потом снова слышится плеск и демонстративный вздох, когда он вылезает из ванны. Дверь открывается – Он стоит в распахнутом халате, на деревянный пол капает вода.

– Что стряслось?

Я тыкаю в него телефоном.

– Ты что? – Он непонимающе смотрит на меня.

– Я прочитала твои эсэмэски. Только что. От Эстелл.

У меня сжаты челюсти, сердце барабанит в груди. Энди берет телефон не сразу, и по мрачному отстраненному выражению его лица я понимаю, что никакого невинного объяснения этим сообщениям нет.

Астрономическое приложение не заглючило. Никто не взламывал его телефон. Мой муж встречается с этой женщиной, зовет ее «детка», и наш с ним брак уже никогда не будет прежним.

Глава пятая

Ужасные утренние часы воскресенья, 17 февраля

По его словам, это была ужасная ошибка. Выпили лишнего после напряженного дня на конференции в Манчестере, которая проходила в октябре: «Все набрались, Вив. Сама знаешь, как это бывает, особенно в последний вечер, под занавес».

В октябре! Целых четыре месяца назад! Это шестнадцать недель… сто с… м-м… лишним дней. И «как это бывает», я вообще-то не знаю, потому что в «Флаксико» не ездят на конференции. У нас их даже не бывает. Зато случаются

«корпоративные тренинги», которые проводятся на нижнем уровне (в противоположность верхнему), почти в преисподней и в опасной близости к земному ядру, а в остальное время помещение пустует.

В бункере нет окон, ни о каком перепихоне там не может быть речи, и даже алкоголя не бывает – только жуткий столовский буфет, состоящий из сэндвичей с кресс-салатом и так называемым «сырным соусом» (тертый сыр с луком, щедро приправленный майонезом), плюс маленькое липкое пирожное, вспотевшее в целлофановой упаковке. Но дело не в этом. Даже если бы я знала, «как это бывает», не могу представить ситуации, в которой я стала бы спать с кем-то другим. Кража одноразового шампуня из тележки горничной – самый скверный поступок, который я совершила в отеле.

– Общая тусовка в баре, – продолжает Энди, опускаясь на диван. – Все бухие, выпивка на халяву, ситуация вышла из-под контроля…

И напоследок – гулять так гулять! – его «занесло» в чужую постель. Шатался пьяненьким по коридору, а тут бог послал ему доктора Эстелл Ланг, которую он «вообще почти не знал», а она затащила его в номер, раздела догола и принудила к соитию, после чего он, шатаясь и прихрамывая, поплелся на завтрак.

Это, разумеется, я домысливаю, а Энди излагает только факты – что «так вышло», но он был настолько пьян, что вообще ничего не помнит. А может, ничего и не было. Он не уверен.

– А потом, – продолжает Энди, но только потому, что я на него давлю, – мы встретились, просто выпить кофе и поговорить, и как-то закрутилось, черт его знает почему. Мне так жаль, Вив…

Теперь его халат плотно запахнут, и слава богу. Вряд ли бы мне удалось спокойно созерцать его поникший блудливый пенис. Что касается звездной Эстелл, то она, как я понимаю, базируется в Эдинбурге, где и имели место последующие потрахушки. В этом отношении у него все на мази – от Глазго пятьдесят минут на поезде, а его то и дело приглашают на ланчи, презентации и встречи выпускников, и я рада-радешенька, что он меня с собой не тащит.

Иногда он остается ночевать в Эдинбурге, якобы у друга.

– Терпеть не могу мчаться на последний поезд, – сказал муж мне в последний раз.

Подлый обманщик.

– Я все исправлю, – говорит он, заламывая руки, точно пытаясь выдавить из себя всю мерзость. Энди плачет, и я плачу – мы кричим, хлюпаем носами, повторяем одно и то же и возвращаемся в исходную точку, с которой все началось несколько часов назад.

В какой-то момент я беру настольную игру Иззи и швыряю в него. Коробка открывается, и из нее вылетают «блошки». Мы принимаемся их собирать. Когда начинает заниматься рассвет, мне приходит мысль сходить за сигаретами. Но поскольку последний раз я покупала их двадцать четыре года назад, то точно не знаю, куда идти. Кроме того, прежняя прелестная золотистая упаковка отошла в прошлое, и на современных пачках изображены страшные болячки и младенцы в респираторах, что не вселяет оптимизма, и по десять штук уже не выпускают, так что придется брать двадцать, а значит, выкурить все, и тогда я снова подсяду: стану смолить на заднем дворе – к ужасу Тима, Крисси и их сынишки Лудо. А это будет пострашнее крыс!

Когда наступает утро – мы бесновались и рыдали всю ночь, – я начинаю видеть позитивные моменты: к примеру, слава богу, что Иззи осталась у Мейв (интересно, какую установку дала бы Джулз в рамках тренинга личностного роста?). И – по крайней мере, Энди искренне раскаивается.

– Думаю, мне просто польстило, что такая женщина обратила на меня внимание, – бормочет он.

Такая женщина, то есть на несколько порядков лучше его слегка расползшейся и потеющей климактерической женушки?

– Меня просто засосало, – добавляет он.

– А по-другому сказать никак нельзя?

– Прости! Прости!

Я сверлю его взглядом – нервы на пределе, силы на исходе, и одновременно в голове крутится мысль: я вообще когда-нибудь высплюсь?

– Ты сказал, что любишь ее. Учти, я читала вашу переписку.

– Я слегка потерял голову, – говорит Энди, пытаясь меня приобнять. Я его отталкиваю, еще недостаточно отошла для обнимашек. Сейчас странно вспоминать о том, как я мечтала о его объятиях и поцелуях, пока все не открылось.

– Я удалю ее номер, – добавляет он. – Можешь сама посмотреть.

– Делай что хочешь. Разве это имеет значение после того, что произошло?

– Еще как имеет, Вив. – Муж держит телефон так, чтобы мне было видно, как он удаляет номер. – Видишь, его больше нет. Клянусь жизнью, я больше к ней на пушечный выстрел не подойду.

Все еще воскресенье, где-то днем

После ночного безумия мне, естественно, приходится штукатурить физиономию, чтобы выглядеть прилично, когда я отправляюсь к Мейв за Иззи.

– Ты в порядке, Вив? – спрашивает Джулз, обратив внимание на мои припухшие глаза и землистый цвет лица, в то время как Иззи собирает свои вещички в комнате Мейв.

– У нас с Энди произошла разборка, – быстро говорю я. – Ничего, переживем. Я тебе потом расскажу.

В самом деле расскажу, но только не сейчас. Не уверена, что я вообще способна изъясняться связно.

– Мне неприятно тебе это говорить, но ты выглядишь измученной.

– Так и есть. Но, честное слово, я справлюсь.

Хотелось бы верить. Только, черт побери, мы в полной заднице. Четверть века вместе, почти полжизни – произвели на свет двух славных ребятишек и живем в солидном викторианском доме в зеленой зоне на юге Глазго. У нас куча друзей, как общих, так и личных, и хотя в нашем браке не все было гладко, я считала, что мы крепкая пара.

Надо же было так заблуждаться. И почему я ничего не подозревала? К примеру, прекращение интимной жизни. Теперь-то все понятно. Я что, была в каком-то мороке?

К счастью, Иззи ничего не замечает – не потому, что наспех наложенная шпаклевка служит мне хорошим камуфляжем, просто она переполнена впечатлениями от дня, проведенного с Мейв.

– Джулз разрешила нам приготовить ужин, – гордо докладывает она по пути домой.

– Здорово, – говорю я, мысленно прикидывая, сколько раз Энди соврал мне за последние несколько недель.

Когда недавно ездил в Эдинбург, якобы на пятидесятилетие своего однокурсника Колина? И до того, когда, помнится, прихорашивался с особой тщательностью для выступления в Национальной библиотеке?

– Мама?

– Да, Иззи?

– Я говорю, хочешь узнать, что мы приготовили?

– Конечно, хочу. – Я беру ее за руку и сжимаю крепко, а она с сияющей улыбкой смотрит на меня.

– Фаршированные помидоры.

– Да ну?! – восклицаю я. Что касается овощей, тут дочка очень привередлива. Под запретом даже горох.

– Они турки, – говорит Иззи. – Эрл – турок.

– Да, зайка, я знаю. И чем вы их фаршировали?

– Э-э, рисом, кедровыми орешками, изюмом…

Сухофруктами – уму непостижимо! На мгновение эта новость затмевает собой даже перепихон Энди с Эстелл Ланг в отеле «Краун Плаза». Каким чудом Джулз убедила детей отведать такие экзотические вкусности? Мы поворачиваем за угол, и на меня снова наваливается жуткое чувство безысходности. Уже виден наш дом – он больше не уютная гавань, он перестал быть прочным и безопасным, теперь это место источает боль и обреченность.

Иззи отпускает мою руку, мчится вперед и забегает в дом. Я захожу следом, вижу, как она бросается на шею отцу, и чувствую, что сердце вот-вот разорвется в груди.

Глава шестая

Шесть дней спустя: суббота, 23 февраля

И вот что странно: мой доселе равнодушный благоверный вдруг стал ужасно внимательным. Я уже почти привыкла к нашему сосуществованию, когда, находясь под одной крышей, мы живем врозь и взаимодействуем лишь постольку. Так было до недавнего времени. А теперь он бродит за мной по дому, как верный пес, чуть не тыкается в меня носом и, стоит мне ненадолго присесть на диван, сразу мостится рядом. Еще немного, и я стану выводить его во двор справить нужду.

Разумеется, я понимаю, почему он так себя ведет. Тем самым он надеется замять гадкую интрижку с Эстелл. Прежде он не прикасался ко мне неделями – разве

что смахивал крошки с джемпера, – так что эта новая линия поведения внушает по меньшей мере беспокойство. Порой я вздрагиваю от его касаний, а однажды развернулась, готовая вцепиться если не в физиономию, то хотя бы в стоп-кран, точно меня лапают в вагоне поезда. Пришлось твердо объяснить, что не стоит целовать меня в шею, когда я отбиваю лед с дверцы морозильника.

Теперь он у нас не только Пусик-Лапусик, но к тому же Мастер-Рукастер – это что-то новенькое. Вешалка, которую я просила прибить не один десяток лет, наконец-то висит. Знаю, мне давно следовало, по примеру всех современных самодостаточных женщин, свести дружбу с аккумуляторной дрелью и прибить самой. Но я этого не сделала и – ура-ура! – могу больше не париться по этому поводу, потому что вот она, вешалка, на стене в прихожей (в точности там, где я просила ее прибить). Кроме того, он повесил: полки в ванной, еще одну – в спальне и зеркало в прихожей, – словом, укреплял и воздвигал все подряд по всему дому. Спасибо, что не собственный орган. Еще он стал исключительно игривым в постели – очень любопытная перемена. Естественно, мое либидо приказало долго жить, после того как раскрылся интим с Эстелл, поэтому в постельных делах у нас затишье. Нет, он ничуть не сетует на то, что его любовные притязания получают жесткий отлуп – напротив, исключительно мил и признателен до тошноты:

Спасибо, дорогая, что выстирала рубашки!

Как, ты уже вымыла посуду? Я бы сам мог…

Вау, какое объедение…

– Это просто омлет! – рявкаю я.

«Ты солить-то соли, но не пересаливай!» – вертится у меня на языке, но я не хочу, чтобы он думал, будто мы снова на шутливой волне. Я по-прежнему сержусь и в то же время чувствую себя хреново из-за того, что стала такой стервой. Интересно, я останусь ею навсегда?

Куда ни посмотри, обязательно наткнешься на статью о том, как «стать лучшей версией себя». А я возле Энди, твердо вставшего на путь исправления, похоже, превращаюсь в худшую версию себя – в угрюмую и бесчувственную надзирательницу.

– Да, но твои омлеты – самые лучшие, – бормочет он, глядя в тарелку с благоговением, точно готовясь ее облобызать. – Это я всегда говорил.

«Вообще-то нет, – хочется возразить мне, – ты это говоришь только потому, что твоему петушку не сидится в курятнике». Энди смотрит на меня с другого конца кухонного стола. Иззи, которая, к счастью, не догадывается, что что-то не так, лежит, укрывшись одеялом, на диване в гостиной – болеет. Я встаю со стула и иду к ней. Мне по-прежнему тяжело находиться в одной комнате с Энди.

– В чем секрет? – спрашивает он, следуя за мной по пятам.

– Секрет чего? – хмуро переспрашиваю я.

– Твоих омлетов!

– Ты вправду хочешь знать?

– Разумеется, – с обиженным видом заявляет Энди.

– Он хочет знать, – говорит Иззи, недоуменно глядя на меня, отчего у меня сразу начинает щемить сердце. – Почему ты ему не говоришь? Ты сердишься на папочку?

– Конечно, нет, – с натянутой улыбкой произношу я и выметаюсь из комнаты.

Я отсиживаюсь наверху, размышляя о том, как мы будем из этого выбираться. Мы старательно маневрируем друг перед другом, занимаемся обычными домашними делами: готовим ужин, смотрим телевизор и, само собой, всем, что связано с Иззи. Всю неделю мы говорили про Эстелл – разумеется, когда Иззи уже крепко спала, – потому что я старалась вытянуть из него все подробности: замужем ли она (да), есть ли у нее дети (нет) и насколько она состоялась профессионально («Вполне», – с неохотой признает он, из чего следует: «В высшей степени»).

Самое сложное – смириться с тем, сколько у них все продолжалось. Это значит, что они «имели сношения» (как старомодно звучит!) на Рождество, когда я думала, что у нас все распрекрасно. А теперь я понимаю, что он резал индейку, а думал, вероятно, о ней. И она была у него на уме, когда они со Спенсером, подвыпив, играли в «Дженгу» и когда он обнимал Иззи и говорил, что ее рождественская открытка – «самая лучшая из всех, которые ему дарили».

Как он мог так с нами поступить?

Само собой, я нагуглила чертову тучу информации про эту особу. Поскольку я почти не сплю, то взяла себе за правило сидеть до полуночи и смотреть ее выступления на конференциях и заседания в комиссиях «очень важных докторов».

Она красива холодной, тонкой, почти прозрачно-бледной красотой: у нее небольшие веснушки, манящие зеленые глаза и прямые светлые волосы, которые достают до подбородка. Будь она продавщицей в магазине одежды, вы предпочли бы самостоятельно искать свой размер, чем обращаться к ней за помощью. И про примерку не отважились бы спросить. Решили бы, что вы, пожалуй, слишком толстая, и ушли бы ни с чем, напоследок робко пробормотав «спасибо».

Да, она стройная. Кто бы сомневался. И, наверное, высокая. У нее такой надменный вид, точно она – флагманский корабль на полном ходу, а я по сравнению с ней – баржа, дрейфующая боком. Но никакого упоминания о ее росте я нигде не нашла, а когда спросила Энди, он в ответ застонал:

– Пожалуйста, Вив, давай покончим с этим, – и вышел из комнаты.

Зато я выяснила, сколько ей лет. На вид она моложе меня, сорок с небольшим, не больше, но, оказывается, – вот ужас-то! – что мы с ней одного возраста. Ей пятьдесят два, а кожа, черт бы ее побрал, как персик! И выглядит естественно – никаких явных последствий ботокса или подтяжек, точно лифтинг делали за ушами. Я не могу понять, то ли она стареет замедленными темпами, то ли я разваливаюсь с катастрофической скоростью.

– Я просто хочу, чтобы мы были счастливы, как раньше, – произносит с измученным видом Энди, когда я начинаю докапываться до него по этому

вопросу. – Что я должен для этого сделать?

Проблема в том, что я не знаю.

Воскресенье, 24 февраля

А моя приятельница Пенни знает.

– Пользуйся моментом, – говорит она. – Есть хозяйственные дела? Вот, флаг ему в руки.

Сегодня мне пришлось удрать из дому – я в буквальном смысле не могу находиться рядом с Энди и обрадовалась, когда она пришла. День ясный, небо синее, и я помогаю Джулз, приглядывая за Мейв. Пока девчонки лазят по детскому городку, Пенни инструктирует меня, как припрячь мужа к работе по дому. «Куй железо, пока горячо» – суть в этом.

– Но он уже все сделал, – возражаю я. – На днях я поймала его за тем, что он рыскал по дому в поисках занятия. Все лампочки поменял. И даже без всяких просьб накачал шины моего велосипеда. Он вымыл плинтуса. Буквально все дела переделал.

– А сад? Ты же говорила, что хочешь посадить овощи?

– Да, но…

– Пускай займется.

– Еще слишком рано, Пен, – говорю я.

– Хочешь сказать, ты еще не готова для разговора? – озадаченно спрашивает она.

– Нет, слишком рано сажать овощи.

– Да, но он может копать, готовить землю…

Мне не до смеха, но я смеюсь. Можно подумать, наша жизнь наладится благодаря пучку рукколы.

– Пенни, мне расхотелось.

– Но ты так об этом мечтала, – настаивает она. – Ты говорила…

– Да, но это было до того, как я узнала про ту женщину!

– Моя дорогая, мне так жаль, что это случилось с тобой.

Она стискивает мне руку, а я смотрю на ее доброе лицо – традиционная огненно-красная помада и спадающие на плечи пепельные кудряшки. Пенни почти на двадцать лет старше – ей семьдесят один, – но в ее отношении ко мне нет ничего материнского. Наша разница в возрасте меня даже бодрит, потому что при любом моем жизненном раскладе всегда есть большая вероятность того, что Пенни уже это испробовала и выкарабкалась, пусть не без потерь, а теперь хрипло хохочет, потягивая джин с тоником. Лично мне пока удавалось потреблять алкоголь в разумных количествах – разумных для человека обманутого и униженного.

Впервые мы с Пенни встретились именно здесь. Тогда, пять лет назад, мы с Иззи буквально жили в парке, расположенном в пяти минутах ходьбы от нашего дома, и как-то раз обратили внимание на даму в ярких нарядах, которая выгуливала черного песика. Мы стали присматриваться к ней, и дама очень обрадовалась, когда Иззи пришла в восторг от ее Бобби, помеси шнауцера с пуделем («Это шнудель», – объяснила она). Несколько недель мы просто болтали, а потом обменялись номерами, чтобы договариваться о встречах. И я стала с нетерпением их ждать.

Со своим безукоризненно правильным выговором и хрипловатым смехом Пенни казалась приземленной и вместе с тем грандиозной. Вскоре я узнала, что подростком она была моделью в Лондоне, появлялась на обложках журналов и танцевала в самовязаном платье среди публики музыкальной телепрограммы «Вершина популярности». В двадцать два она стала матерью и, поскольку с модельным бизнесом пришлось завязать, она научилась кроить по лекалам и так зарабатывать на жизнь. Днем она трудилась в машбюро, а ночью шила одежду,

которую продавала на рынке Портобелло-роуд – «Сейчас мои пончо – коллекционные изделия!» – гордо поведала она мне, – и в конце концов открыла в родном Глазго крохотный бутик. Благодаря таланту и обаянию ей удалось найти инвесторов и запустить новые магазины. На протяжении второй половины семидесятых годов она возглавляла популярную и чрезвычайно влиятельную сеть бутиков под названием «Мисс Пятница» – аналог современного Topshop.

Сейчас она становится серьезной.

– А что ты будешь делать?

– Честно говоря, не знаю, – я смотрю на свои обшарпанные ботинки, торчащие из-под джинсов. На Пенни – красная стеганая куртка с капюшоном, отороченным мехом, юбка до лодыжек из синей блестящей ткани и желто-коричневые спортивные ботинки.

– Значит, он пообещал, что больше к ней на пушечный выстрел не подойдет?

– Да, именно так он выразился, – киваю я.

– И ты ему веришь?

– Я не знаю, чему верить. – Я смотрю на девчонок, которые сидят, прижавшись друг другу, на веревочных качелях и увлеченно болтают, а Бобби тем временем обнюхивает ближайшие кусты. – Но, наверное, придется, – добавляю я.

– Хочешь сказать, что тебе придется ему поверить или что придется остаться с ним? – Она скептически смотрит на меня.

– И то, и другое.

Я понимаю, насколько беспомощно это звучит. Судя по всему, Пенни выперла своего супруга, когда их сыну Нику не исполнилось и года, причем рассказывала об этом так, будто это было не сложнее, чем оставить мешок со старым барахлом у благотворительного секонд-хенда. «Я избавилась от всего лишнего», – как всегда емко и точно выразилась она.

– Дорогая, ты же знаешь, что с Иззи все будет в порядке, – осторожно, по-доброму, говорит подруга. – Да, когда ребенок маленький, разрыв представляется ужасным. Но, поверь мне, так будет лучше для всех.

Я киваю, хотя мне тошно при одной мысли о том, чтобы обойтись так с Иззи.

– Она умная, рассудительная девочка, – добавляет Пенни. – Она привыкнет. Дети адаптируются к разнообразным ситуациям.

– Для нее это будет страшным ударом, – бормочу я. – Она обожает отца.

– Но у нее, наверное, есть подруги, чьи родители не живут вместе, – говорит Пенни, точно это может послужить утешением.

– Да, есть такие.

– А мама и папа Мейв?…

– Нет, они очень близки и безумно счастливы. – Я вглядываюсь в оживленное, смеющееся лицо дочери и не могу даже мысли допустить о том, чтобы перевернуть ее жизнь вверх тормашками. – И потом, еще есть Спенсер.

– Но он взрослый и живет собственной независимой жизнью!

– Он все равно огорчится. Уверена, он считает, что у нас с папой все отлично.

– Да, но дело не в них, а в тебе – в том, что хочешь ты. И посмотри, что с тобой сделал Энди.

– Да, знаю, – не очень уверенно говорю я.

Но мы семья, хочется сказать мне, и я не уверена, что могу вычеркнуть эти двадцать пять лет. Хотя я все еще обижена и уязвлена, я пытаюсь поступить правильно. Я не знаю, как объяснить это Пенни так, чтобы не показалось, будто я не одобряю ее разрыва с отцом сына. На самом деле я думаю, что она гораздо смелее, чем я вообще могу быть. Прямо сейчас мне просто жутко.

– Пен, – говорю я, – могу я спросить, почему ты рассталась с папой Ника?

– Я тебе об этом рассказывала, – быстро отвечает она.

Вообще-то она упоминала о нем вскользь и, пожалуй, лишь то, что отец из него был никакой – «Он скорее позволил бы оттяпать себе ногу, чем сменить подгузник» – и что после их разрыва он переехал жить в Канаду. Когда я спросила, жив ли он еще, она пожала плечами: «Вроде бы».

– Ну да, немного, – говорю я. – Просто я подумала… может, произошло что-то конкретное?

– Типа последней капли? – Она поднимается со скамейки, поскольку Бобби скрывается из виду. – Ну да, был инцидент с супом…

– Что за инцидент?

Она хихикает:

– Я тебе рассказывала, что за фрукт был Брайан. Крутой архитектор, перетрахавший половину офиса, окруженный цыпочками, как он их называл…

– Так он спал с другими женщинами?

– Почти стопроцентно, – небрежно бросает Пенни, пристегивая поводок к ошейнику Бобби. – Но не в этом дело. В нашем кругу это повсеместно. Проблема состояла в том, как он воспринимал меня, понимаешь?

Я киваю, хотя на самом деле не понимаю. К нам подбегают девочки и просят купить мороженое. Иззи берет поводок Бобби, мы выходим из парка и направляемся к лотку.

– В наши дни так уже не принято, – продолжает Пенни, – но тогда начальники типа Брайана хотели, чтобы жена была «на хозяйстве». Ну, ты знаешь – этакая хлопотунья в фартучке, устраивающая ужины для коллег…

– Он ждал этого от тебя? Да не может быть! – восклицаю я.

– Увы, да, – хихикает она. – Значит, не представляешь, чтобы я доливала бокалы и разносила волованы?

– Ни за что.

– Что за болваны? – оборачивается Иззи.

– Волованы – маленькие пирожки с начинкой, скажем с грибами в сливочном соусе.

– Фу! – восклицает Мейв.

– Ты их готовила? – спрашиваю я.

Пару раз мне довелось отведать «экспериментальную» стряпню Пенни: ее «свинину в манго-маринаде», представляющую собой анемичные отбивные и ломтики фруктов в чаше сидра, а также лаймовый чизкейк консистенции мела для классной доски. Обычно она питается замороженными готовыми блюдами.

– Разумеется, нет, – заявляет она, когда мы пристраиваемся в хвост небольшой очереди к лотку с мороженым. – Но однажды Брайан позвонил с работы – а я тогда с малышом крутилась как белка в колесе – и сказал: «Пен, дорогая, сегодня к нам придут на ужин Роджер с Клео. Приготовь, пожалуйста, что-нибудь вкусненькое, а?»

– И что ты сделала?

– У меня была большая банка томатного супа, и я его разогрела, – с сияющей улыбкой говорит она. – Брайан зашел на кухню в тот момент, когда я разливала его по мискам – таким симпатичным, с ручной росписью, из Марракеша, – и говорит: «И это все, на что ты способна, Пенни?» А я говорю: «Нет, дорогой, не все…», достаю из холодильника кусок чеддера и швыряю ему в физиономию со словами: «Хотела еще тертым сыром посыпать, но хрен с ним!»

Иззи с Мейв приходят в восторг, и вся очередь как по команде разворачивается в нашу сторону, когда мы ржем в голос. Боже мой, я еще могу смеяться. Мой муж трахался на стороне – с той, что гораздо красивее и успешнее меня, а я по-

прежнему могу смеяться, буквально падать от хохота.

Я так благодарна Пенни за то, что она на десять секунд отвлекла меня от мыслей об Эстелл Ланг.

Глава седьмая

Понедельник, 25 февраля

Весь день на работе я мысленно прокручиваю слова Пенни: что с детьми все будет в порядке и что иногда расстаться – лучший выход для всех.

Но я – не Пенни. Мы совершенно разные. И дело не в том, что я считаю себя лучшей мамой – просто мне не дано быть такой пофигисткой, как она. Я паникерша и вечно суечусь, считаю своей обязанностью все и всегда делать по максимуму, а если накосячу, то меня сразу отдадут под суд, а Иззи принудительно передадут в опеку.

Звучит дико, но это реальность, в которой существуем мы, современные матери. В семидесятые годы родителям жилось иначе.

Мой папа курил в машине, где находились мы с мамой, и это не считалось предосудительным. Однажды мама разбила термометр и дала мне ртуть поиграть. Я обожала ртуть, как Иззи обожает свой вязаный сэндвич! И никто не переживал из-за питания детей. Никому не приходило в голову, что им нужны какие-то «витамины» и нельзя «слишком много сахара». Пенни недавно сказала мне, что, когда Нику было пять, он целый год не ел ничего, кроме десерта «Райское наслаждение» со вкусом ирисок.

– И что ты сделала? – оторопело спросила я.

– А что мне оставалось? – Она пожала плечами. – Только махнуть рукой.

– Но как же здоровье? Зубы? И питательные вещества?

Я изумлена и впечатлена, но вместе с тем мне за него обидно, хотя сейчас он, судя по виду, вполне себе полноценный мужчина лет за сорок, сделавший успешную карьеру кинодокументалиста в Новой Зеландии.

– В моем ведении находилось семнадцать магазинов, Вив. Каждые две недели у нас пополнялся ассортимент. У меня не было времени выкладывать ему на тарелке смешные рожицы из овощей.

Затем был период, когда он сбрасывал с себя одежду и носился голышом по библиотеке. Очевидно, Пенни «махала рукой» и на это («Я читала, дорогая»). Она брала его на фотосессии, где «с ним возились гримеры или модели», но, когда случались большие светские мероприятия, его всегда оставляли с приятельницей или с приятельницей приятельницы. Забавно, что потенциальная нянька для Бобби всегда проходит всестороннюю проверку и подвергается самому тщательному допросу.

Еще одна черта Пенни, которая мне представляется просто поразительной, – это насколько ее не волнует тот факт, что Ник живет на другом конце света. Он развелся со своей женой-новозеландкой, но возвращаться в Великобританию не спешит. Она показала мне одну-единственную его фотографию, на которой он с бородой, – размытую и снятую, вероятно, с расстояния в полмили, – и это лишь когда я ее об этом попросила.

Мне тяжело от мысли, что Спенсер живет в трех часах езды от нас. Возможно, именно поэтому каждые два месяца я заказываю для него продуктовую доставку.

– В Ньюкасле нет продуктов? – подколола меня Пенни, узнав об этом.

Я полагаю, суть в том, что мы с ней очень разные, и ее упорные заявления, что все будет «в порядке», если мы с Энди разбежимся, никак не повлияют на мое решение. Он твердит, что сожалеет и любит меня, и мы худо-бедно, но как-то сосуществуем. Слава богу, что Иззи по-прежнему не в курсе, насколько все плохо.

Вообще я от нас балдею. Наш брак летит в тартарары, и я нет-нет да начинаю пытать его насчет чувств к той женщине и как он так мог – завожу эти жуткие

цикличные разговоры, ведущие нас в никуда. Но, вопреки всему мы старательно «держим лицо» перед дочерью и во взрослой компании.

Когда мы на людях, никогда не догадаешься, что что-то не так. Подумать только, мы способны на такое лицедейство, что вполне можем претендовать на «Оскар».

Среда, 27 февраля

Утреннее пробуждение сопряжено с двумя открытиями:

1. Сегодня мне пятьдесят три, и я добралась до этой даты, не умерев от горя и стыда.

2. Жизнь – вкусная штука: Иззи приносит мне в кровать всякие лакомства – корнские вафли, толсто намазанные маслом, порезанный банан и виноград. Еще она дарит мне очаровательный браслетик из бисера, который смастерила сама, и самодельную открытку – на ней изображена я в желто-коричневом плаще и джинсах на прогулке с Бобби.

На ее картинке льет сильный дождь, небо темное и грозовое, хотя обычно Иззи рисует солнце – желтое и лучистое, но ресницы у меня, по крайней мере, накрашены и тушь не течет, когда я внимательно вглядываюсь в него. Картинка может называться «Мамина жизнь настолько паршивая, что даже в ее день рождения идет дождь», но я предпочитаю другое название – «Позитивная мама, довольная жизнью в любую погоду». И, раз такое дело, моя установка «все отлично!», должно быть, работает, и это невероятно, потому что на душе у меня скребут кошки. Я перебралась бы в бывшую комнату Спенсера, но боюсь вызвать шквал каверзных вопросов у Иззи, и потому по-прежнему сплю с Энди.

Иззи убегает переодеться для школы – что касается сборов, тут она категорически отказывается от моей помощи, – и Энди дарит мне колье из молочно-голубых камней на изящной серебряной цепочке. «Спасибо», – говорю я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Не плачь, не плачь, не плачь. Еще есть флакон моих любимых духов с запахом инжира и хорошая подборка интересных книг.

Он действительно расстарался и точно хотел порадовать, но выходит иначе – меня охватывает такая печаль, что я едва сдерживаюсь. «С днем рождения, дорогая», – говорит он, доливая кофе мне в чашку, точно услужливый эльф. Наконец Энди отчаливает на работу, а мы с Иззи отправляемся в школу.

Хотя Спенсер никогда не удосуживается бросить открытку в почтовый ящик, он звонит в обед и клятвенно обещает скоро приехать. Нередко эти заверения оказываются впустую, и я даже надеюсь, что сегодняшнее – из этого разряда. Иззи может не замечать возникшего между нами напряжения, но сын точно уловит неладное.

– Какие планы на вечер? – интересуется он.

– Папа забронировал столик, – отвечаю я. – Не знаю, куда мы идем. Это сюрприз.

– Вау, класс! Наверное, в какое-нибудь крутое местечко?

– Надеюсь, что не в «Пицца Хат».

Сын хихикает, и, когда разговор окончен, мне приходит в голову, что дело не в том, что Энди забронировал столик, а в том, что он также позаботился о няне. Ему пришлось узнать у меня ее номер. И он обо всем договорился – впервые, на моей памяти.

Ресторан, как выясняется, – прелестное местечко, где подают морепродукты, что в обычной ситуации меня очень порадовало бы. Но сейчас я понимаю, что мы оба притворяемся, будто это обычный день рождения и все прекрасно, что мы счастливы и по-прежнему очень любим друг друга. Я охотно ковыряюсь всеми этими щипчиками и вилочками, притворяюсь, что ракообразные за астрономическую цену с их бледным мясом мне очень по вкусу, и замечаю, как у Энди бледнеет физиономия при виде счета.

Позже, когда уходит няня, он лезет ко мне с поцелуями и ласками и осыпает комплиментами по поводу моего тела, лица и красиво вышитой комбинации, подаренной Пенни. Трудно поверить, что до того как все это случилось, секс со мной был для него повинностью, типа уборки общественной территории (в которой мы, как сознательные граждане, всегда принимаем участие). И у меня даже складывалось впечатление, что уборка, пожалуй, ему больше по душе. Он

всегда так радовался, когда организатор мистер Сингх раздавал мусоросборники, что могло показаться, будто он подумывает опробовать их в нашей интимной жизни.

Но теперь все иначе. Нынче ночью мы действительно занимались «этим» – впервые с тех пор, как вскрылось про Эстелл, причем обошлось без намеков на ишиас/люмбаго и разговоров о том, что утром ему надо рано вставать. Я чувствую себя немного странно и отчужденно, но по крайней мере мы еще на это способны, все не так ужасно, и это ободряет и вселяет надежду на то, что, возможно, у нас еще не все потеряно.

Думаю, я по-прежнему люблю его. Но вообще-то это бесит, что невозможно отключить чувства к изменившему тебе партнеру. Они все еще живы – бурлят под толщей гнева и обиды: я, как прежде, восхищаюсь его самоотверженностью в работе и тем, какой он замечательный отец – заботливый и добрый, каким я его и представляла. Мне бы ненавидеть его, но все не так просто. Он по-прежнему тот самый мужчина, которого я полюбила много лет назад, и единственный, от кого хотела иметь детей. Кроме того, я по-прежнему, несмотря на все, считаю его привлекательным. Он совершил ошибку – ох, как же это по-взрослому звучит! – и раскаивается, и, я думаю, мы сможем это пережить. Мне не единожды хотелось проверить его телефон, но до сих пор я удерживаюсь.

То есть мне нужно поверить ему снова? Или что?

Глава восьмая

Три недели спустя: среда, 20 марта

Всю неделю лил дождь и наконец прекратился. Сегодня у меня выходной. Прием у стоматолога, а кроме того, я решила посвятить несколько часов себе.

В доме пустота и блаженная тишина, и, глядя из кухонного окна, я замечаю, насколько красив сад. Расцветают крокусы – фиолетовые и белые, с шафрановыми пестиками, а ниже бордюром идут нарциссы. Я люблю наш сад.

Он слегка запущенный и диковатый, но все в нем возникает именно там, где нужно. У Иззи есть своя маленькая делянка, где она выращивает анютины глазки всевозможных цветов. Я забираю дочь после школы, и мы возимся в саду под вечерним солнцем, почти не разговаривая, но с ощущением счастья, что трудимся бок о бок.

Моя тревожность прошла не до конца, я все еще время от времени просыпаюсь по ночам с бешено колотящимся сердцем. Однако это началось задолго до того, как я узнала про Эстелл, и сейчас я понимаю, что уже почти пришла в норму. По крайней мере, состояние полной раздробленности совершенно точно позади.

Раньше я думала, что роман на стороне означает конец брака, финал истории. А теперь не уверена, что это так. Во-первых, меня пугает мысль в пятьдесят три года остаться одной. Дело не в том, что некому будет вывозить мусорный контейнер или собирать мебель. Это даже не финансовый вопрос (я уверена, что в итоге мы как-нибудь справимся). Скорее страшит сама мысль о внезапном одиночестве – у меня его не было с двадцати семи лет. Крохотная частичка меня считает, что это здорово и, может быть, я снова почувствую себя на двадцать семь – энергичной, исполненной жизни и амбиций, с гладкой кожей, упругой задницей и жаждущей приключений. Да, это звучит волнующе. Но в остальном, когда я думаю о том, что буду начинать все заново в качестве одинокой женщины, я ощущаю глубокую тоску и откровенный страх. Я знаю, это тот жизненный этап, когда надо меньше «париться», чувствовать себя увереннее и не переживать о том, что думают окружающие. Но так ли это на самом деле? Если это естественный ход вещей, значит, произошел какой-то сбой, потому что со мной все обстоит совсем иначе.

Тем вечером, после того как Энди уходит спать, я сижу на заднем крыльце и пытаюсь удержать состояние покоя, которое ощутила раньше, когда мы с Иззи были в саду. В маленькой записной книжке я создаю список, озаглавленный «Причины, чтобы расстаться»:

Потому что я чувствую, что так надо.

Не уверена, что смогу доверять ему снова.

Чтобы наказать его.

Это все, что мне удается из себя выдавить.

Что касается «Причин, чтобы не расставаться», то их – хоть отбавляй, а именно: «Так лучше для Иззи», «Не будет потрясений» и «Если брак можно спасти, то нужно попытаться». Но это я опускаю и пишу только одно:

Потому что я по-прежнему люблю его.

Пятница, 22 марта

Во время нашего тихого и самого заурядного вечера до меня вдруг доходит, что случилось нечто из ряда вон. Иззи спит, а это значит, что мы могли бы в который раз перемалывать ситуацию с Эстелл. Но этого не происходит.

Вместо этого за ужином мы обмениваемся историями о событиях сегодняшнего дня. Энди, который никогда не вдается в подробности своей врачебной практики, рассказывает о женщине, пришедшей на консультацию с тремя детьми, и они устроили в приемной настоящий пикник – выложили сэндвичи, чипсы и шоколадные батончики. «Никто не отважился сказать им, чтобы убрали», – говорит он.

Впервые за долгое время муж делится со мной впечатлениями прошедшего дня, тогда как обычно ссылается на то, что «слишком устал» для разговоров. В результате я перестала его расспрашивать. Я, в свою очередь, рассказываю о том, что сегодня моей начальнице доставили ярко-розовый «фитнес-бол» – такой громадный пляжный мяч, на который Роуз громоздится, чтобы «стабилизироваться», когда не сидит в кресле, но регулярно сваливается (надеется тем самым укрепить «сердцевину тела» без отрыва от китайских вопросов). Конечно, на искрометные анекдоты наши байки не тянут, но, по крайней мере, мы относительно нормально общаемся и не дергаемся в присутствии друг друга. Энди наконец-то перестал гладить меня по волосам, когда я загружаю посудомоечную машину, и не маячит за спиной, норовя клюнуть в шею, когда я складываю выстиранное белье. Всплеск любовной активности – это понятно. Но то, что она пошла на спад, – тоже ведь неплохо?

Я начинаю думать, что мы действительно можем выкарабкаться и что интрижка Энди – из разряда пресловутых «конфузов». В конце концов, большинство браков

в тот или иной момент сталкиваются с кризисом, и я читала, что порой они даже становется крепче.

Словом, диспозиция такая: мы – обычная пара средних лет, коротающая вечер пятницы, и мне это представляется правильным. А на призывы Пенни к тому, чтобы он «сматывал удочки», мне плевать. Это мой брак и мое решение, и мне невыносима мысль о том, чтобы все это полетело в тартарары.

Воскресенье, 24 марта

Месяц спустя после обещанного, но Спенсер все-таки собрался нас навестить. Теперь, когда худший момент кризиса под названием «Эстелл», похоже, миновал, его приезд – большая радость. Он наполняет дом своим громким раскатистым смехом и невероятными историями о концертах, на которых работал, и мне это ужасно нравится. Он приехал с Милли, своей девушкой – исключительно деятельной особой, которая способна раскопать в благотворительном магазинчике потрепанное атласное покрывало ядовито-зеленого цвета и сшить из него потрясающую юбку.

У нее точеные черты лица и грива светло-каштановых курчавых волос. Иззи потрясена до глубины души – несмотря на то, что мы уже неоднократно встречались с ней, – ходит за Милли хвостом и трещит без умолку. Вот мы впятером сидим в залитой солнцем кухне, и кажется невероятным, что чуть больше месяца назад я читала в саду те ужасные эсэмэски.

Как обычно, Спенсер не удосужился предупредить нас о том, что едет в Глазго – просто позвонил с автозаправки сказать, что уже в пути и будет где-то через час, и ни словом не обмолвился о том, что Милли с ним. Еды почти не было, и я запаниковала: я люблю устраивать к его приезду настоящий пир.

– Приготовь омлет, – сказал он.

Именно этим я сейчас занимаюсь (тем более что он его обожает).

– Как поживает экструзионный бизнес? – весело интересуется он, когда я приношу огромную миску домашних золотистых чипсов и мы садимся за стол.

– Процветает, – с улыбкой отвечаю я.

Спенсер пристально смотрит на меня. Его голубые глаза ярко блестят за стеклами очков в темной оправе, и сейчас мне начинает казаться: а вдруг он понял, что с момента нашей последней встречи что-то произошло.

– Тебе нужно вернуться в театр, мама, – говорит он, – и делать то, что тебе нравится. А там ты только теряешь время.

– Да, правильно, – соглашается Милли. Она работает в стиле перформанс, пробует себя в разных жанрах – в танце, устном творчестве, в поэзии – и регулярно принимает участие в Эдинбургском фестивале искусств. Ее целеустремленность и уверенность в себе – в двадцать-то лет – меня просто потрясают.

– Кто сказал, что мне не нравится то, что я делаю? – с улыбкой говорю я, понимая всю бессмысленность рассуждений о том, что в моем возрасте стабильный рабочий график куда ценнее того, что Спенсер называет погоней за мечтой. И когда он только происходит – этот крен в сторону разумного жизненного пути?

– Я могу показать Милли свой гардероб? – спрашивает Иззи, как только обед подходит к концу. Она обожает наряжаться.

– Ну конечно, – говорю я, а у самой сердце трепещет от радости, когда они вместе убегают.

Спенсер берет из миски еще чипсов.

– Все было замечательно, мама. Ты делаешь лучшие омлеты в мире.

– Это верно, – подает голос Энди. – Я все время говорю ей об этом.

– Сколько похвалы, – замечаю я, когда мы принимаемся убирать со стола, – она того и гляди ударит мне в голову.

– Даже по прошествии стольких лет, – с усмешкой обращается Энди к сыну, – она не хочет рассказать мне свой секрет.

– Если скажу, тебя придется убить, – говорю я.

Он хохочет и обнимает меня рукой за талию, а я замечаю на лице у Спенсера выражение облегчения, точно он думает: «Ну, значит, у них все в порядке».

Иззи прибегает на кухню в ярком наряде, который девочки придумали вместе: желтый топ, красные брючки, боа из ядовито-зеленых перьев и максимальное количество безделушек, которое может нацепить на себя семилетняя девочка.

– Значит, Милли можно помогать тебе с выбором одежды, а маме нельзя? – подтруниваю я над ней, одновременно фотографируя ее на телефон.

– Да, потому что Милли разбирается в моде, – хихикает она.

– Пенни тоже разбирается, но ты и ей не разрешаешь выбирать наряды.

Иззи лукаво усмехается.

– Пенни сказала плохое слово на букву «х», – объявляет она, а Спенсер делает вид, что глубоко шокирован.

– Да ты что? Это возмутительно! А из-за чего?

– Из-за чего, мама? – Иззи смотрит на меня. – Она не хотела посыпать суп сыром?

– Боже мой, Иззи, это было несколько недель назад…

Разумеется, дети никогда не забывают, когда взрослые делают что-то неправильное. Они складывают это на полочку, снабдив соответствующей ссылкой, а потом достают оттуда с неописуемым восторгом.

– А что, разве в суп кладут сыр? – размышляет Спенсер, когда я рассказываю ему эту историю.

– Разумеется! – восклицаю я с притворным негодованием. – Сыр в томатном супе обязателен.

– Это ретрорецепт, – добавляет Энди, – но все именно так. Стоит попробовать, Спенсер. Только брать нужно дешевый чеддер…

– Спасибо за подсказку, папа, – он усмехается и поворачивается ко мне: – Как поживает дражайшая Пенни?

– У нее все отлично.

– Все еще встречается с музыкантом на лодке?

Он имеет в виду Хэмиша, у которого бархатные пиджаки, галстуки, грива седых волос и особая манера «подавать голос» (то есть он всегда говорит так, точно выступает перед публикой).

– По его словам, он композитор, – с улыбкой говорю я, – да, встречается, но насколько это серьезно, я не знаю…

– Он ведь гораздо моложе ее? – спрашивает Энди.

Меня удивляет, что он в курсе. До истории с Эстелл мои подруги никогда его не интересовали.

– Да, думаю, ему немногим за шестьдесят.

– Совсем старенький, – выдает Иззи.

– Все относительно, – важно замечает Спенсер, похлопывая ее по руке, а потом поворачивается ко мне: – Передавай ей от меня привет.

Спенсер с Милли собираются уезжать, а я стараюсь скрыть свое разочарование из-за того, что они не остаются на ночь. Но концерт в Эдинбурге – это чертовски заманчиво, и они, со всеми распрощавшись и расцеловавшись, отчаливают.

– Славно посидели, да? – говорю я.

– Да, – кивает Энди, который вдруг как-то сдувается.

– Жаль, что они пробыли так мало.

– Мне тоже.

Он вытирает стол и оглядывает кухню, точно раздумывая, что еще надо сделать. Иззи скрывается в своей комнате.

– Но здорово, что у него своя полноценная жизнь, – замечаю я. – Я им горжусь, а ты?

Энди откашливается.

– Да, конечно, я тоже.

Его голос звучит как-то странно, точно ему особенно жаль, что Спенсер уехал, но я не могу понять почему. Да, визит был коротким, но это обычное дело. Мы привыкли к тому, что он объявляется, ставит всех на уши и исчезает, прежде чем мы успеваем понять, что он приезжал.

Энди загружает посудомоечную машину, а я иду наверх сделать ванну для Иззи и поболтать с ней, пока она будет плескаться в мыльных пузырях. Потом у нас по плану чтение – парочка глав из «Твитов», над которыми она всегда хохочет, затем я подтыкаю ей одеяло и целую на ночь.

– Ты была рада повидаться со Спенсером и Милли? – спрашиваю я.

– Да, – радостно улыбается она. – Мне нравится Милли.

– Мне тоже, – я улыбаюсь и пожимаю ее ладошку. – Она замечательная.

– Спенсер любит ее, да?

Внутри меня что-то сжимается.

– Да, конечно. Это видно, разве нет?

– Ага, – кивает она и замолкает. – Они поженятся?

– О, моя дорогая, я не знаю. Поживем – увидим. Но пока они еще слишком молоды для этого.

Я встаю и убираю с ее бледного веснушчатого личика прядь волос.

– Жаль, что у меня нет сестры, – добавляет она.

– Ты имеешь в виду как Милли? Старшей сестры?

Она кивает.

– Но у тебя, солнышко, есть Спенсер. Так что тебе повезло.

Иззи задумывается, и на ее личике появляется серьезное выражение.

– А у тебя никого нет.

– Ты хочешь сказать – ни братьев, ни сестер? – сухо смеюсь я. – Да, ты права, но я не переживаю. Я привыкла, и у меня есть вы. Вы – моя семья. Поэтому мне тоже повезло.

Я направляюсь к дверям, и тут появляется Энди, который тоже пришел пожелать Иззи спокойной ночи. Ничего необычного, размышляю я, глядя, как он обнимает ее. Просто папа пришел пожелать дочке спокойной ночи. Месяц назад я думала, что моему браку конец, но вот они мы, по-прежнему вместе, по-прежнему семья.

И то, что я только что сказала Иззи, – это правда. Мне действительно очень повезло.

Начало суток понедельника, 25 марта

Когда случается ужасное, в голову лезут странные мысли. Они не о важном, а о самом банальном, к примеру: я могла бы найти минутку и объяснить, почему у меня получаются такие хорошие омлеты. Если Энди действительно было бы интересно, я могла бы рассказать о том, как выбрать правильную сковородку (действительно хорошую, с антипригарным покрытием), что масла должно быть немного – достаточно несколько капель – и что сковороду надо раскалить, прежде чем выливать взбитые яйца.

Если Энди и в самом деле было бы интересно, я могла бы поведать о том, что, как только омлет схватится, его нужно сгрести лопаткой в центр, а потом подбрасывать и вращать сковороду, чтобы омлет приготовился как можно быстрее: скорость – вот в чем фишка. Но беда в том, что его интерес пропал.

Плевать он хотел на мои омлеты и врал как сивый мерин, клятвенно уверяя, что прекратил все контакты с Эстелл Ланг. Они виделись все это время, ему очень жаль, говорит он мне, кидая вещи в сумку, но они любят друг друга и он должен быть с ней.

И поэтому он от меня уходит.

Часть вторая

После

Глава девятая

Четыре месяца спустя: суббота, 20 июля

– Рис почти готов, – говорит мой собственный крошка-телеповар, взмахивая деревянной ложкой, – а теперь мы добавляем кедровые орешки, соль, сахар и

хорошенько мешаем… – Иззи улыбается мне щербатеньким ртом. После ухода отца у нее выпал еще один зуб. – Сахар, – поясняет она точно в ответ на мое недоумение, – смягчает вкус. А теперь мы добавляем… мм… – Она берет пучок зелени и морщит лоб. – Базилик?

– Укроп, – подсказываю я.

– Мы добавляем укроп, петрушку, корицу… мм… я забыла про изюм!

Кто бы мог подумать, что моя дочь будет знать про такие экзотические ингредиенты? В этот солнечный летний денек она колдует над фаршированными помидорами по-турецки, которые впервые попробовала у Мейв несколько месяцев назад. Она пристрастилась к кулинарии и демонстрирует мне свое искусство в «шоу», проходящем у нас на кухне. Мы уже совершили уйму гастрономических «турне» и освоили на «Готовим с Иззи!» блюда тайской, карибской и даже русской кухонь. Как-то раз она изобразила острый индонезийский салат – «Он называется „Гадо-гадо!“» – объявила она, – и пусть вся кухня потом была заляпана арахисовым соусом, но результат оказался настолько восхитительным, что я даже не возражала. Благодаря ее кулинарным изыскам почти незамеченным оказался тот факт, что я так и не собралась организовать для нас в этом году летний отдых.

Солнечный свет пробивается сквозь грязноватое окно. Волосы Иззи аккуратно убраны под поварским колпаком, сделанным из белого картона, а еще на ней фартук в горошек, который Пенни махом сшила на швейной машинке. За отсутствием постановочной группы обеспечение ингредиентами лежит на мне. Я, можно так сказать, – «повар на подхвате». Никогда не думала, что в нашем доме однажды появятся пальчатые финики и консервированные лимоны или что моя семилетняя дочь будет выдавать фразочки типа «У нас закончилась полента!». Эта новая затея истощает меня финансово, а следующая за ней уборка вполне сравнима с генеральной. Но Иззи, по крайней мере, получает удовольствие от этих безумных экзотических пиршеств.

«Готовим с Иззи!» – свежая инициатива, а в целом жизнь после отъезда ее отца изменилась мало. Когда мы объявили ей о расставании, она была явно потрясена и огорчена. («Мы с мамой по-прежнему хорошие друзья», – сказал Энди, сидя сгорбившись на диване и стискивая руки.) Было пролито много слез, и какое-то время она приходила ночью в мою комнату и залезала ко мне в кровать. Но потом она, похоже, смирилась со случившимся и сейчас, когда летние каникулы

в разгаре – школа закончилась в конце июня, – снова стала собой, счастливой и веселой, точно все нормально.

И в целом все именно так. Родители и брат по-прежнему любят ее. Зубная фея, как и раньше, оставляет под подушкой один фунт. Иззи регулярно видится с папой (хотя, по его словам, он еще «не совсем готов» принять ее у себя в новой квартире – что бы это ни означало), и ей по-прежнему нравится рисовать за кухонным столом. В ее мире новый набор маркеров способен решить практически любую проблему.

Спенсер тоже поначалу пришел в ужас от нашей новости, но воспринял ее стоически. Хотя он утверждал, что это совершенно лишнее, что он абсолютно В ПОРЯДКЕ, мы с Энди съездили (порознь) в Ньюкасл, чтобы поговорить с ним. Хотя нам до сих пор удавалось общаться вполне по-дружески – по крайней мере, перед Иззи, – мысль о том, чтобы провести с ним в машине в общей сложности шесть часов, была невыносима.

Сын был невероятно мил и сердечен.

– Главное, чтобы тебе было хорошо, мама, – сказал он с неподдельным участием, в то время как я с трудом сдерживала слезы над миской лапши, к которой даже притронуться не могла. Через пару недель он приехал в Глазго проверить, действительно ли у меня все хорошо, и это просто растопило мое сердце. Порой я изумляюсь тому, как он вырос таким внимательным и заботливым, учитывая, что пятьдесят процентов своего генетического кода он унаследовал от лживого подлеца-папаши.

К тому времени Спенсер уже выяснил у отца, что у того другая женщина. И в конце концов Иззи спросила «в лоб»: «У папы новая подружка?» Пришлось признаться, что да, у него «подружка». Ни она, ни Спенсер пока ее не видели, хотя я думаю, что в какой-то момент это случится. Остается надеяться, что они сообщат мне о ней что-нибудь неприглядное, типа, что от нее мерзко пахнет или что у нее визгливый голос, от которого грудные дети ударяются в такой рев, что их надо срочно эвакуировать из комнаты.

Учитывая несомненную привязанность Энди к Той Особе, я понимаю, что это очень маловероятно. Но у нас все в порядке, упорно говорю я себе. И мы хорошо питаемся.

– А папе оставим? – спрашивает Иззи, когда мы садимся за стол.

– Конечно, солнышко, – говорю я.

– Я ведь завтра с ним встречаюсь?

– Да, он заберет тебя на весь день.

– Ура! – счастливо улыбается она. – И что мы будем делать?

– Я не знаю точно, какие у него планы, но уверена, что будет весело.

У нас пока нет четких договоренностей о том, когда они встречаются – мы движемся «на ощупь», ступаем осторожно, вежливо решая этот вопрос. Они с Иззи обычно ходят в кино, гуляют по магазинам или едят пиццу – что-то в таком духе. Я знаю, что он снимает жилье в Вест-Энде, но хотя мне удалось сузить район поисков до квартала, точное название улицы он не сообщает, причем упорно твердит, что его новая пассия там не живет, однако иных причин для подобной скрытности я не вижу. Что еще прикажете мне думать?

Я смотрю на Иззи, сидящую напротив. Ей нравится встречаться с отцом. Могу поручиться, она думает о нем и о том, что он для нее приготовил.

Она поднимает на меня глаза и спрашивает с полным ртом:

– А что ты будешь завтра делать?

– О, у меня дел невпроворот, – говорю я, подразумевая: Я буду сама энергичность, не стану слоняться по дому, чувствуя себя покинутой и вялой, думая о том, что следует помыть в туалете, но я этого делать не буду, и что нужно разобрать ящик с банными игрушками, потому что на них уже появилась гадкая слизь, но и этого я тоже делать не стану.

– Папа сказал, что купит мне новые кроссовки, – радостно говорит она, вскакивая со стула.

Воскресенье, 21 июля

Иззи с Энди ушли, и я остаюсь одна. Ни планов, ни обязательств, и впереди – целый день. Надо распорядиться им с умом.

Можно почистить вытяжку и пропылесосить под кроватями. Можно начать заниматься бегом и попытаться сбросить климактерический живот, который выглядит так, точно у меня на поясе привязана подушка. Или увидеться с Джулз и договориться насчет тренингов по личностному росту (она интересуется, когда я хочу начать, но я все время откладываю). Есть уйма дел, которыми может заняться брошенка средних лет, чтобы наладить свою жизнь. Вместо этого я гроблю день на то, чтобы пялиться на фотографии Вездесущей Докторши Ланг – их, как назло, в интернете пруд пруди, – и плачу.

– Дорогуша, тебе нужно другое хобби, – по-доброму увещевает Пенни, появляясь со спасительной миссией.

– Вязать крючком, что ли? – блею я.

– Вязать полезно для здоровья.

– У меня слишком толстые пальцы, – рычу я.

Пенни обнимает меня, становясь серьезной. Сегодня она выглядит особенно по-летнему, в цельнокроеном платье в «шахматную» розово-желтую клетку, как торт «Баттерберг», и с объемными бусами из разноцветных камешков.

– Я просто считаю, что тебе хватит смотреть эти фотки, – твердо говорит она. – От них один вред.

– Да я чуточку, – вру я. – Смотри, если задать поиск, то вываливает целая тонна…

Пенни наклоняется и хмуро смотрит в монитор, где Эстелл Ланг с безупречным макияжем стоит на трибуне и с авторитетным видом произносит программный доклад на очередном долбаном симпозиуме. Вот снова она, на официальном портрете – в белоснежной блузке и синем жакете с красным шарфом (вероятно, шелковым?), изящно повязанном на тонкой шее. Классический элегантный

образ, до которого мне всегда было как до Луны.

– Почему ты так с собой обращаешься? – спрашивает Пенни.

Я пожимаю плечами:

– Может, у меня тяга к членовредительству?

Она задумывается.

– Типа упасть совсем низко, в бездну печали?

– Да, типа этого, – мрачно говорю я.

– А потом, – радуется Пенни, – когда достигнешь скалистого дна, начнешь создавать себя заново?

Я вымучиваю улыбку признательности за то, что она сейчас здесь и зашла сама, когда я не стала открывать дверь. Эта ее манера всегда бесила Энди:

– С чего она решила, что можно вот так вламываться? Мы могли быть заняты!

– Чем именно? – обычно возражала я. – Чем именно мы могли быть заняты?

– Дело не в этом! Просто это чертовски беспардонно.

– Надеюсь, ты права, – говорю я сейчас.

– Разумеется, я права. Я всегда права! А теперь давай закрывай ноутбук.

– Одну минуту, – бормочу я. – Я тебе кое-что покажу. Если задать другой поиск, просто для сравнения, получим вот что…

И вот оно – единственное мое изображение, попавшее в Сеть. У меня нет ни глянцевых официальных портретов, ни фотографий с симпозиумов, где я – воплощение авторитета и гламура. На снимке с прошлогоднего школьного

потешного забега – толстая тетка в рубашке с пятнами от пота, в порванной балетной пачке и с заляпанными грязью кроличьими ушками.

– Боже правый, что это?! – восклицает Пенни.

Я опускаю крышку ноутбука.

– Да так. Ничего. Ладно, Пен, ты права. С этим действительно пора кончать. Пойдем прогуляемся.

Мы садимся на метро в сторону центра, и мир сразу становится красочнее. Один из многих позитивных моментов дружбы с Пенни заключается в том, что она сама не киснет и другим не дает. Именно это требуется сегодня – чтобы меня взяли за руку и увели из дома.

Есть и другие преимущества общения с женщиной постарше – она может заверить, что климакс в итоге заканчивается, ты оказываешься на другой стороне, и все будет тип-топ. Тревожность уменьшается. Потливость исчезает. Углеводный жор прекращается, и появляется спокойная, уверенная в себе женщина, свободная от месячных, перепадов настроения и страхов забеременеть.

– Тебе будет на все начхать, – в который раз говорит мне Пенни. – Что хочешь, то и делай.

Возможно, это объясняет, почему по прибытии в наше любимое книжное кафе я выбираю маленький брауни (в окружении такого количества книг он представляется вариантом с наименьшим риском), а Пенни берет огромную трубочку с кремом (потенциально опасную, сказала бы я на месте профессионального оценщика рисков).

– Пен, скажи честно, – говорю я, клюя брауни, – тебя когда-нибудь зацикливало на ком-нибудь? Я имею в виду, как я гуглю про Эстелл Ланг.

– Тогда, слава богу, интернета не было, – говорит она.

– Разумеется, нет, но тебя когда-нибудь клинило так, что ты, ну, я не знаю, совершала какую-нибудь дичь? Что-нибудь глупое? – Я смотрю на нее через стол, ожидая, что она скажет «да».

Пенни задумывается.

– Ну, – неуверенно произносит она, – однажды я напилась в хлам и бросала яйца в машину…

– Ты бросала яйца в машину? – восторженно переспрашиваю я. – И чья это была машина?

– Да так, – отмахивается она, поворачивая трубочку другим концом, откуда опасно свисает крем. Прямо перед ней на столе – огромный фолиант под названием «В объективе: иконы стиля 70-х». Я не знаю, зачем Пенни вообще приволокла его сюда – она даже не заглянула в него.

– И что потом? Тебя поймали? – интересуюсь я.

– Конечно, нет, – говорит она.

– Но тебе полегчало?

– Пожалуй, да…

– Возможно, именно поэтому Энди держит свое местопребывание в секрете, – переключаюсь на другую тему я. – И не пускает к себе Иззи – на случай, вдруг она расскажет мне. Возможно, он считает, что я объявлюсь и испорчу ему машину или имущество…

Пенни снимает бирюзовый кардиган и накидывает себе на плечи поверх платья в розово-желтую клетку. В компании с ней я всегда чувствую себя жуткой занудой в своих базовых топах и джинсах. В молодости я увлекалась модой и искала вдохновения в женских журналах. Стены моей комнаты были оклеены вырезками из «глянца», а не постерами с изображением поп-звезд. В студенчестве я обожала секонд-хенды и комбинировала яркие забавные разностильные наряды.

Став мамой, я придерживалась правила «помаду – подальше от карапуза», старалась выглядеть прилично и, пожалуй, гордилась собой. И только несколько лет назад перешла на самый простой и разумный стиль, подходящий для дома и офиса. Мой приоритет – это практичность, и в результате в моем гардеробе скопилась уйма базовых вещей черного, серого и синего цвета – с редкими исключениями.

– Пенни носит веселую одежду, – заметила Иззи вскоре после нашего с ней знакомства. Надеюсь, моя одежда не вопит: «Я в депрессии!»

– Ты уверена, что та особа не переехала к нему? – спрашивает Пенни, слизывая крем с губ. – Извини, но это более вероятно.

– Он говорит, что нет, – я пожимаю плечами, – и я не понимаю, зачем ему мне лгать на данном этапе.

– Ну, возможно, ему неловко, что Иззи увидит его жилье? – выдвигает предположение она.

– А почему бы?

– Может, рядом стрип-клуб? – усмехается Пенни.

Я едва не давлюсь пирожным.

– Хорошо бы, но очень маловероятно.

– Или улица дерьмовая?

– Он никогда бы не поселился в убогом квартале, – качаю головой я. – Тебе известно, какой он чистоплюй. Мы как-то снимали квартиру в Париже через Airbnb. Все было безупречно – просто очаровательно. Но Энди вбил себе в голову, что в холодильнике застарелый запах сыра. Он ныл и ныл, открывал и закрывал дверцу и беспрестанно принюхивался. Довел меня до белого каления, притом что я ничего не чувствовала. Но у него очень тонкое обоняние, гиперчувствительный нос…

– Разве это не помеха для врача? – ухмыляется Пенни.

– Вообще-то нет. Он ведь эндокринолог, ты забыла? Гормональные сбои, заболевания щитовидной железы и все в таком духе. Он не имеет дело с выделениями…

– А как же анализы? Разве он не берет пробы, пункции и тому подобное?

– Нет, у него для этого есть другие люди.

– Это как-то неправильно, – заявляет она, и я улыбаюсь.

Пенни нравятся не заморачивающиеся мужчины – художники или субъекты, перебивающиеся случайными заработками, которые ютятся в скверных квартирках, где постоянно шляются кошки, или, как в случае с Хэмишем, композиторы, живущие на канальной лодке.

– Значит, он никогда не рассказывал тебе никакой чернухи?

– Никогда. Вот что значит жить с врачом. Ты рассчитываешь на всякие смачные байки, а слышишь одно нытье про то, что в столовой больше не продают булочки с маслом, и поэтому приходится покупать булочку и крохотную упаковку масла в фольге, которое плохо намазывается. Одному богу известно, сколько он ныл на эту тему…

– Возмутительно, – фыркает Пенни, – врач его уровня вынужден сам намазывать масло…

– И это далеко не все, – продолжаю я. – Когда внедрили новую систему парковки, места для персонала оказались дальше от входа в больницу, чем прежде. Ей-богу, могло показаться, что мир перевернулся.

– Какая глупость.

Я киваю, радуясь, что могу высказаться и облегчить душу. Звучит банально, но воспоминания о «пунктиках» Энди всегда немного примиряют меня с моей нынешней ситуацией.

– Затем разразился Кризис Качества Туалетной Бумаги 2017 года, а следом за ним – исполненная драматизма замена пластиковых стаканчиков для кулера на картонные рожки…

– Он и на это жаловался?

– Да! Можно подумать, что ему близка идея отказаться от одноразового пластика, но нет…

– Знаешь что, Вив, – заявляет она, – ты правильно сделала, что избавилась от этого типа…

И как будто в порыве чувств она вцепляется зубами в трубочку, и крем, точно газ из ракетного сопла, вырывается наружу с другого ее конца.

– Пенни! – восклицаю я, откидываясь назад, но несколько капель все же достигают цели.

– О господи, извини, пожалуйста, ну надо же! – Она хватает бумажную салфетку и принимается возить ею по моей груди.

– Перестань! – шиплю я, указывая на заляпанную кремом книгу стоимостью пятьдесят пять фунтов, которая лежит на столе. – Ты сюда посмотри!

Пенни смотрит на нее с таким выражением, точно впервые видит, и принимается оттирать салфеткой. Пары аккуратных движений было бы достаточно, но она трет со всей силой и протирает глянцевую пленку.

– О господи, стало только хуже, – бормочет она. – Так, делаем ноги.

– Мы не можем просто взять и уйти!

Она вскакивает со стула и хватает меня за руку.

– А что еще остается? Заново припрессовать пленку?

– Ну, возможно, нам следует за нее заплатить…

– Не говори ерунды, – шипит она. – Двигай давай!

Меня не радует тот факт, что мы свалили из кафе. Мне нравится это место, и приятно, что оно процветает, когда так много заведений закрывается. А если все будут приходить сюда и пачкать кремом? И вдруг это попало на камеры видеонаблюдения?

Возможно, я слишком бурно реагирую и никому нет дела до испорченной книги. Но я – невротик по натуре и хотела бы быть пофигисткой, как Пенни, только сделана из другого теста. Я переживаю из-за того, что могу кого-то огорчить или обидеть. Переживаю из-за Спенсера, хотя он совсем взрослый, имеет водительские права и гоняет на своей вонючей «Шкоде», заваленной пакетиками чипсов, банками колы и остатками фастфуда (садясь в его машину, я всегда жалею, что на мне нет защитного комбинезона – типа тех, что используют при работе с асбестом). И, конечно же, меня волнует его рацион и сбалансированность питания.

Я переживаю из-за Иззи – действительно ли она смирилась с нашим разрывом или просто делает вид. Переживаю из-за своего будущего – останусь ли я до конца своих дней личным помощником в «Флаксико», неужели у нас в саду водятся крысы, и если так, то вдруг они проберутся в дом и ночью укусят Иззи.

– Пошевеливайся! – рявкает, оглядываясь на меня, Пенни, в то время как я семеню за ней, точно служанка за госпожой. И вот мы у выхода из кафе. Она выбегает первой, и мы устремляемся вниз по пешеходной улице и благополучно сворачиваем за угол.

Она останавливается и переводит дух. День теплый и довольно душный, и у меня волосы прилипли ко лбу.

– Ну, угораздило же нас, – заявляет она.

– Черт возьми, Пенни, – восклицаю я, – ты хоть понимаешь, что теперь мы туда ни ногой?

– Это еще почему? Нас никто не видел.

– Мы все обляпали и вляпались!

Она мотает головой, берет меня под руку, и мы движемся в сторону метро.

– Ты слишком много переживаешь.

– Я в курсе.

– И мне действительно жаль твой топик.

– Не важно, он старый.

Я ловлю ее взгляд – подруга улыбается, и меня разбирает смех. И снова ей удалось отвлечь меня от пагубных мыслей про новую пассию моего благоверного.

– Знаешь, что я думаю? – спрашивает она.

– Что? – Я предвкушаю очередной мудрый совет.

– Я думаю, – заявляет она, когда мы спускаемся в метро, – если они не хотят, чтобы посетители ели пирожные, то зачем они их продают?

Глава десятая

Среда, 24 июля

До того как это случилось со мной, я считала, что после ухода мужа больно первые недели, а затем мало-помалу жизнь налаживается. После бури, так сказать, наступает затишье. И по большей части это действительно так: довольно цивилизованно и вполне по-деловому. Я стараюсь держаться

максимально достойно, когда Энди приезжает за Иззи или за своими вещами. Я даже предлагаю ему чаю (причем не плюю в чашку) и помогаю относить к машине сумки с книгами и медицинскими журналами.

Но в другие дни я чувствую себя так, точно мое сердце разбито снова, и закипаю от ярости и обиды. Я безутешно рыдаю в отделе молочных продуктов супермаркета. Съезжаю на обочину по дороге домой и сижу в машине, обливаясь слезами и понимая, что буду выглядеть кошмарно, когда приеду за Иззи в городской лагерь или к подруге домой, но не могу взять себя в руки. Плаваю в бассейне и представляю себе, как Энди занимается этим с ней, и мои слезы смешиваются с хлорированной водой. Я звоню ему с намерением выплеснуть гнев, но только всхлипываю и нажимаю «отбой». Это происходит какими-то припадками, а затем следует пара недель, когда слез нет вообще.

Порой мне хочется не плакать, а орать, крушить все подряд и избить его. В такие мгновения я сделала брешь в плетеной мусорной корзинке, расколотила его любимую кружку и шариковой ручкой продырявила его старый садовый свитер. К счастью, Иззи этого не видела. Мысль о том, что я ей нужна, – это просто спасение.

Сейчас она в постели – только что пробило девять, – и Энди здесь, все копается с бумажными коробками, которыми завален шкаф на верхней площадке.

Он мог бы загрузить их в машину и свалить с глаз долой, но нет – ему нужно перенести все в гостиную и, не считаясь с моими чувствами, долго и мучительно перебирать бумаги. Я слоняюсь туда-сюда, что-то прибираю, поправляю и жду, когда он уедет.

– А дома это сделать никак нельзя? – отрывисто спрашиваю я.

– Да, конечно, – бормочет он. – Еще немного. – И продолжает просматривать документы.

Воскресный день в обществе Пенни был замечателен хотя бы тем, что разжег во мне очередную искру гнева. В конце концов, когда ее сердце было разбито, она не упивалась жалостью к себе, а напилась и забросала машину яйцами.

Подруга трескала трубочку с кремом в книжном кафе, потому что ей так хотелось. И пусть это плохо кончилось, но суть в том, что ей наплевать на последствия. Надо брать пример с Пенни, решаю я.

– А я не хочу, чтобы ты занимался этим здесь, – рявкаю я.

– Да? – Энди удивлен и принимается собирать свое барахло.

– И еще хочу спросить, – продолжаю я с колотящимся сердцем, – у тебя есть причины не пускать Иззи к себе на квартиру?

– Э-э, вообще-то нет, – он недоуменно моргает.

– Потому что если они есть, то лучше тебе сказать об этом, а не вешать мне лапшу на уши.

– Хорошо. О господи, – Энди качает головой так, точно я веду себя неадекватно, – просто там мало места.

– Да ну?

– Ну да! – Он хватает набитую бумагами коробку и направляется к двери.

Я чувствую, что на подходе приступ гормональной ярости, который мне неподконтролен, и принимаюсь медленно и глубоко дышать, чтобы успокоиться.

– Я не собираюсь отпускать ее к тебе с ночевкой, – говорю я. – Просто погостить, чтобы она могла увидеть, где ты живешь. Думаю, ей будет полезно.

– Почему? – Он хмурит лоб, и это выглядит почти комично.

– Это удовлетворит ее любопытство, разумеется. Так она будет знать, что ты живешь в хорошем месте и ей там рады.

– Так-то оно так, только там действительно тесновато, – говорит он, укладывая назад аккуратно подстриженные волосы, в которых просвечивает седина.

– Она еще маленькая, как-нибудь влезет, – отрывисто говорю я, и тут в комнату заходит Иззи. – Солнышко, ты должна быть в постели, – начинаю я, но дочь пропускает мои слова мимо ушей.

– Мы проходим сантиметры в школе, – объявляет она. – Во мне один метр и двадцать два сантиметра – точь-в-точь как у Мейв.

– Да что ты? – шумно изумляется Энди, вставая. – Вау! Я понятия не имел, что ты такая высокая…

Она упирает руку в бедро.

– Почему я не могу прийти к тебе домой, папочка?

– Ох… – Муж бросает в мою сторону взгляд, в котором читается: «Спасибо большое, что втягиваешь дочь в наши разборки». Можно подумать, что это моя вина. – Мне просто нужно кое-что разобрать и навести порядок к твоему приходу, заинька.

– По мне, и так сойдет, – хмурится она.

– Нет, не сойдет, – у него краснеют щеки и в каждом движении чувствуется сильное желание убраться вместе с барахлом отсюда подальше.

Я выхожу за ним к машине.

– Энди?

– Я не в настроении, – пыхтит он, захлопывая крышку багажника.

– Не в настроении для чего?

– Для допроса…

Я смотрю на него – это человек, который поднял целую бучу из-за булочек без масла, и это притом, что в мире столько голодных, которые обрадовались бы

простой печенюшке из больничной столовой, а еще он месяцы напролет мне врал как сивый мерин. И как меня угораздило влюбиться в него? Я что, белены объелась?

– К тебе дочка просится, – рявкаю я, – а не, блин, герцогиня Кентская… – Я разворачиваюсь на каблуках и двигаю назад к дому.

– Вив! – кричит он мне в спину.

– Что? – я оборачиваюсь и гневно смотрю на него.

– Пожалуйста, не надо так бурно реагировать. Мы можем поговорить минутку?

– Я ухожу. Иззи нужно быть в кровати.

– Всего одну минутку.

Я тяжело вздыхаю и плетусь обратно к машине.

– Слушай… – Он замолкает. – Извини, пожалуйста. Я ее приглашу к себе, но только не сейчас, хорошо?

– Как угодно, – уже спокойнее буркаю я.

– Но, м-м… Я действительно хотел тебя кое о чем попросить. – Он снова замолкает. – Ты не против, если я увезу ее на недельку?…

– На недельку?! – восклицаю я. – То есть на целую неделю?

– Э-э… да, – кивает Энди. – Само собой, я пока не говорил ей об этом. Хотел сначала с тобой обсудить.

– Ясно, – я чувствую внутри пустоту. Значит, теперь у нас так – мы возим дочку отдыхать по отдельности. Ну, разумеется. А что еще я хотела? – Да, конечно. И куда ты думаешь поехать?

– К Льюису с Ниной. Там затевается общий сбор.

– На целую неделю?

Льюис – самый младший брат Энди. Они с женой владеют известным рестораном на берегу Лох-Файн. Нередко считается, что Северо-Шотландское нагорье – это рыба с картофелем фри и пироги на ужин – словом, углеводы с кетчупом и уксусом, но «Гнездо» – очень стильное заведение, где бородатые официанты хипстерского вида подают критмум и разные съедобные цветочки. За годы совместной жизни мы неоднократно там бывали, провели немало счастливых дней в их симпатичном беленом коттедже и плавали на лодке по озеру.

Я стараюсь не думать о том блаженном времени, а Энди между тем продолжает:

– Помнишь, они строили шале? Правильнее было бы сказать, экотуристические домики…

– Смутно. – Должна признать, в последнее время у меня были другие темы для раздумий.

– Так вот, их наконец доделали. Замысел в том, что все останутся на неделю, а под конец в ресторане будет большой праздник.

– Все? – У меня екает в груди.

– Ага. Мама с папой и вся орава…

После всего случившегося до меня еще толком не дошло, что мои отношения с его родителями также радикально изменятся. Я очень к ним привязана и знаю, что они ко мне тоже. А что будет теперь?

– Судя по всему, Нина приложила массу усилий к их обустройству, – продолжает он. – Сшила на заказ килты, а еще там дровяные печки и коврики из овчины…

– Звучит потрясающе, – сухо говорю я.

– В любом случае это лучше кемпинга, – тараторит он. – Сама знаешь, какие там мошки…

– Энди? – перебиваю я.

– Да?

Черт, думаю я, сейчас я точно вляпаюсь.

– Она не едет с тобой, да? Я имею в виду, на общий сбор?

– Что?

– Ты знаешь, о ком я. Ты не берешь ее с собой на семейный праздник вместе с Иззи?

– Господи, нет! – в ужасе восклицает он. – Нет, Вив, я тебе обещаю…

– Если да, то я должна знать.

– Разумеется, я еду без нее, – твердо говорит он. – Мы же договорились, что я скажу тебе, когда – если я пойму, что они могут познакомиться. Но в любом случае это произойдет не скоро.

А почему? – хочу поинтересоваться я, чувствуя, как внушенная Пенни бравада стремительно идет на спад. Неужели где-то глубоко внутри ты задаешься вопросом: а не совершил ли ты ошибку? Чем она привлекает тебя? Помимо явной красоты, ума, замечательной карьеры и безупречного вкуса в одежде – что побудило тебя предпочесть ее своей невротичной, вечно переживающей жене, которая работает в «мозговом центре» по производству экструдированных пищевых гранул?

Но я не задаю этих вопросов. Я вообще ни о чем не спрашиваю.

– Отлично. Я про поездку, – это все, что я буркаю, и, потерев ладонью разгоряченное лицо и поморгав, разворачиваюсь и двигаю обратно к дому.

Глава одиннадцатая

Четверг, 25 июля

Ну, я была молодцом, говорю я себе, отвозя Иззи в городской лагерь, а затем отправляясь на работу. Я действительно вчера держалась великолепно, когда на улице осадила Энди, в то время как Крисси, жена Тима, такая красивая и безмятежная в своей беременности, выглянула из соседней двери, копошась с жалюзи и делая вид, что не замечает нас.

Но, бог ты мой, он увозит Иззи, и она будет чудесно проводить время в компании его родственников! Они живут по всей стране и собираются вместе крайне редко. А вдруг ей захочется поехать снова? Там будет так весело – возможно, она захочет навсегда остаться с отцом. Знаю, это безумие и маловероятно, хотя бы потому, что он ни за что не купит ей гранатовый сироп. Но все равно при мысли о том, что он увезет ее на целую неделю, мне становится не по себе.

Наша семья и прежде, до ухода Энди, была довольно несбалансированной. У него есть мама и папа (в свои семьдесят с гаком – очень бодрые живчики), плюс два брата и три сестры. По последним данным, Флины произвели на свет четырнадцать отпрысков, включая наших. У Энди огромный клан, в котором все вечно собачатся, но обожают друг друга. Возможно, мне слегка завидно, что у них там постоянная движуха.

А с моей стороны все, мягко говоря, гораздо тише. Я – единственный ребенок, и мои родители скончались тринадцать лет назад, когда Спенсеру исполнилось девять, а Иззи и в помине не было. Папа умер из-за осложнений диабета, а через несколько месяцев от рака пищевода скончалась мама. Обоим было чуть за шестьдесят, и для меня это стало жутким ударом.

Мне тяжело думать об этом сейчас, но тогда Энди проявил себя самым лучшим образом. За неимением близких, я со всей силы оперлась на него, и он постоянно находился рядом, помогал с формальностями, с похоронами, с вывозом вещей и продажей их скромного дома ленточной застройки на юге Глазго.

Теперь я понимаю, как много я опиралась на него. Возможно, я считала само собой разумеющимся, что он всегда будет сильным и готовым прийти на помощь, что бы ни случилось.

Его родители тоже были очень внимательны.

– У тебя, как и прежде, есть мы, – сказала моя свекровь Кэти, обнимая меня после похорон мамы, и эта фраза тронула меня своей чуткостью. А несколько дней спустя она застала меня в слезах в нашем садике.

– Что с тобой, Вив? – участливо спросила она.

– Я мало их ценила, – ответила я.

– Всем так кажется. Это нормально, моя дорогая.

– Да, но я никогда не думала, что они уйдут так скоро.

Мы сидели за столом в саду, и я рассказала ей о том, как на шестнадцатилетие мама оплатила мне поход в косметологический кабинет при универмаге, которого давно в помине нет. Будь это что-то стильное и молодежное, я была бы воодушевлена, но мама, будучи не в курсе модных тенденций, выбрала местечко, где кучковались степенные дамы преклонных лет. Я не хотела обидеть ее отказом и пошла.

– Ты выглядишь очаровательно, – сказала она с неподдельным восторгом, когда зашла за мной чуть позже. Мы отправились на встречу с папой в старомодный ресторан (семейные выходы у нас бывали примерно дважды в год), где десерты привозили на тележке, и я сидела, густо намазанная тональным кремом, с матовыми голубыми тенями на веках и с перламутровой розовой помадой на губах. Неподалеку обедала одна из моих учительниц, которая, заметив меня, помахала рукой, и я чуть не умерла от стыда.

– Мне было так неловко, – рассказывала я Кэти. – Меня взбесило, когда родители решили напоследок выпить кофе с птифурами, а мне хотелось бежать со всех ног домой и умыться. – Кэти кивала и держала меня за руку. – А теперь я отдала бы что угодно за возможность выпить с ними кофе, – добавила я. – Согласилась

бы и на перламутровые тени на веках. Пусть даже мне все лицо измажут помадой, только бы снова увидеть маму.

Казалось, Кэти все понимала. Будучи мамой трех дочерей, она отлично знала, какой ужас испытывает девочка-подросток при мысли о том, что она «выделяется». Мы даже посмеялись над историей про то, как она сшила для старшей дочери комбинезон из портьерной ткани, ожидая, что та наденет его на школьную дискотеку («Позже я выяснила, что бедняжка переодевалась в телефонной будке! И о чем только я думала?»). Сейчас, конечно, все будет иначе, и когда Иззи говорит «наша семья», она фактически имеет в виду семью отца, которая сейчас существует отдельно от меня. Отныне будет так, твердо напоминаю я себе, въезжая на офисную парковку.

Я пытаюсь убедить себя в том, что переживать из-за отъезда Иззи – глупо и эгоистично. В конце концов, ей будет полезно побеситься на природе с двоюродными братьями и сестрами. Она их всех любит, и они всегда замечательно проводят время вместе. А пока ее не будет, мне нужно с умом распорядиться временем и назначить у Джулз первый тренинг личностного роста. До ухода Энди я считала, что она могла бы помочь мне с определением жизненного вектора, к примеру, куда мне, личному помощнику в «Флаксико», двигаться дальше. На данном этапе смена работы – это последнее, о чем я думаю (хватит с меня кардинальных перемен в последнее время). Но Джулз настаивает, что тренинг все-таки должен быть «целеполагающим», поэтому я готова согласиться.

Я останавливаюсь перед главным входом в офисное здание и достаю из сумки телефон, чтобы отправить ей эсэмэс. И сразу обнаруживаю три сообщения от своей начальницы:

Видела Twitter и пр.? На этой неделе большая работа по ограничению ущерба.

Следом: Уже на всех новостных порталах. Срочно общее собрание, и не опаздывай, пожалуйста!

Следом: Треклятая Кирсти Митчем ждет не дождется подставить нам подножку. Вот дерьмо… КУДА ТЫ ЗАПРОПАСТИЛАСЬ?!

Я захожу в здание с колотящимся сердцем. Хотя я не опаздываю, ясно, что Роуз считает, что мне уже следует быть на месте и в курсе разворачивающейся драмы. В ожидании лифта я просматриваю на телефоне новостные порталы. Первые впечатления не из приятных:

Всемирная компания по производству продуктов питания скармливает деткам КРОЛИЧИЙ КОРМ…

Что хорошо для кроличьего пуза… то будет по вкусу и вашему карапузу!

Большая засада: ЛЮДЕЙ кормят едой для ЗООСАДА…

Твою же мать. Это, должно быть, «утка» – фейковая новость, потому что некоторые журналисты, понятное дело, с подозрением относятся к нашей продукции. Я и сама к ней отношусь с подозрением. Да, она совершенно безопасна для потребителя – все строго контролируется, но, когда наблюдаешь весь процесс, гигантские дробилки и тысячи галлонов бежевой жижи, которую качают насосами, а потом из нее получаются кукурузные снеки, это… слегка обескураживает.

Мне не нравится, что Иззи любит снеки, которые изготавливают из нашего сырья. В основном я стараюсь об этом не думать. В любом случае конечный продукт мало похож на то, что производим мы. Но я знаю, что такая акула пера, как Кирсти Митчем, много размышляет на эту тему. Она ее раскопала, проявляет живейший интерес к пищевой промышленности и, как выразилась Роуз, «ждет не дождется подставить нам подножку».

Возможно, она раздобыла инсайдерскую инфу и пришла к выводу, что ингредиенты кроличьего корма и снеков, предназначенных для людей, очень похожи. Не исключено, что в нашем заготхозяйстве завелась крыса и нас всех будут допрашивать. Пусть это не корпоративно, но перспектива довольно увлекательная. В любом случае увлекательнее повседневной текучки, включающей бронирование поездок и написание имейлов для Роуз, а также покупку подарков ко дню рождения дочери ее уборщицы, поиски мойщика для ее патио и прочую белиберду, никак не связанную с моими прямыми служебными обязанностями.

Поднимаясь на лифте, я прихожу к выводу, что налицо сценарий с аналогичными ингредиентами, а это не страшнее, чем, скажем, если бы Иззи использовала начинку для помидоров по-турецки, чтобы фаршировать цукини. Но когда я пересекаю огромное открытое пространство и вижу в дальнем его конце Роуз, мрачно попивающую кофе в своем прозрачном офисе, до меня доходит, что все гораздо серьезнее.

– Заходи, Вив, – говорит она, делая мне знак рукой. – Закрой дверь. Садись.

Роуз указывает на стул напротив, и я плюхаюсь на него. «Стабилизирующий» мяч отправлен в угол, поверх него лежит пиджак.

– Видела заголовки, – начинаю я. – Что происходит? Я хочу сказать – это правда?

– Да, «Кайтс» попала не та поставка. Такие вот дела, – кривится она. – Что я могу сказать? Партия прошла весь производственный цикл, поступила к оптовикам и теперь продается как продукт, предназначенный для людей.

Я мысленно перевариваю услышанное.

– Господи, ужас-то какой!

– Вот именно. Черт знает что. Смотри сюда! – Она запускает руку в коричневую кожаную сумку и бросает на стол пачку газет. В глаза бросается заголовок:

«КРОМЕ КРОЛИКОВ: как корм для ушастых попал к людям?»

– О какой продукции идет речь? – спрашиваю я.

– Мы считаем, что это только «Хрустяшки»…

– Моя дочка их ест!

– Да все с ними в порядке, – отмахивается она. – Не надо переживать.

У меня начинает сосать под ложечкой.

– И все-таки что в них?

Ей хватает наглости принять раздраженный вид.

– Тебе огласить перечень прямо сейчас?

– Да, пожалуйста, – твердо говорю я.

Роуз вздыхает и стучит по клавиатуре.

– О’кей. Пшеница, отруби, растительный белок, растительное масло, витамин С, минеральная добавка…

Хм, не идеально, конечно, но ничего слишком страшного…

– Известняк, – продолжает она.

– Известняк?

– И, э-э, противоплесневый репеллент. Вот, собственно, и…

– Противоплесневый репеллент!

Разумеется, нет никакого смысла в том, чтобы повторять за ней состав, но я не на шутку взволнована. И почему только я поддалась уговорам Иззи и покупаю ей эти жуткие снеки? Джулз готовит для Мейв чипсы из своей свеклы и сладкого картофеля. Я всегда считала, что это страшная морока, но, уж во всяком случае, лучше, чем кормить ребенка известняком и противоплесневым репеллентом. И что я, в самом деле, за мать?

– Это опасно? – рявкаю я. – Пожалуйста, скажите честно.

Лицо Роуз смягчается. Она сегодня без укладки. Волосы висят тусклыми прядями, кожа бледная.

– Слушай, я знаю, звучит не очень, но, честное слово, они совершенно безопасны. Вопрос не в этом. Наша первостепенная задача – понять, как это случилось и что делать дальше. Согласно информации от «Кайтс», а они, само собой, отчаянно стараются свалить вину на нас, партия успешно прошла выборочную проверку, и вот, мы приплыли. – Она поджимает губы.

– Ясно. – Я делаю паузу. – Полагаю, продукцию сняли с продажи?

– Разумеется. – Роуз поворачивается к ноутбуку и смотрит на него, пытаясь сосредоточиться. – Как я уже сказала, первостепенная задача – ограничение ущерба. Необходимо принести извинения и успокоить потребителя. В одиннадцать часов на нижнем уровне – общее собрание. Сделай, пожалуйста, массовую рассылку с пометкой «срочно», а затем отправляйся в бункер и подготовь конференц-зал.

– Хорошо, – говорю я, по-прежнему думая: «Известняк и противоплесневый репеллент, с ума можно сойти». Я знаю, что ни в чем не виновата, я всего лишь личный помощник, но тем не менее ощущаю свою причастность.

– Нас осаждают журналюги, – добавляет она. – Не соединяй меня ни с кем.

– Конечно, нет.

– И мне нужно, чтобы ты вела протокол собрания.

– Хорошо, без проблем.

– Спасибо, Вив. – Еще один взмах рукой, и я могу идти на все четыре стороны.

Я полагала, что за пять лет в «Флаксико» научилась неплохо разбираться в том, что происходит в компании. Однако в последующие часы большие руководящие дяди несут такое количество пурги, что может показаться, будто я нахожусь в кабинете у Энди.

– Что мы имеем? – вопрошает невысокий коренастый субъект с розовыми щеками. – Мы имеем ситуацию, в которой «Кайтс» была поставлена продукция, предназначенная не для людей, а для животных, и с юридической точки зрения

это очевидный случай договорного чего-то там, не говоря уже о нарушении чего-то там еще и кроличьего корма в придачу, в соответствии с базовыми критериями маркировки, бла-бла-бла…

И что? – хочется крикнуть мне. Нет чтобы дать четкую формулировку, так он что-то бормочет себе под нос, явно испытывая неловкость оттого, что толкает речь. Я этого Румяного впервые вижу. Возможно, его только что выпустили на свободу из тайной комнаты. Но суть нашей позиции, похоже, сводится к тому, что «это они виноваты, а не мы», хотя я не могу взять в толк, как так получается. В конце концов, это мы произвели и продали «Кайтс» базовый продукт. В одном из новостных сообщений я наткнулась на фразу рассерженной матери: «Если бы я хотела накормить своего сынишку известняком, я бы свозила его на карьер». Очень верная мысль. Никаких снеков, производимых из нашей продукции, Иззи больше не увидит.

Мы переключаемся на формат «вопросы и ответы», отчего Румяный приходит в еще большее замешательство и начинает изъясняться настолько пространно, что вскоре все вокруг уже нетерпеливо переглядываются и откровенно зевают. У меня есть компания коллег-приятелей, с которыми мы обычно встречаемся на ланче в нашей унылой столовке. Сейчас мы перемигиваемся с выражением «Что за байда?», а самые отвязные перебрались на задние ряды и оттуда корчат идиотские физиономии. Я замечаю, что на маркерной доске кто-то нарисовал кролика Багза Банни, но решаю, что в протоколе это можно не отражать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/gibson_fiona/kogda-zhizn-podkidyvaet-tebe-limony

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити